

МИХАИЛ ПАЗИН

Роковые императрицы России

От ЕКАТЕРИНЫ I
до ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ

Роковые женщины

Михаил Пазин

**Роковые императрицы
России. От Екатерины I
до Екатерины Великой**

«Яуза»

2013

Пазин М. С.

Роковые императрицы России. От Екатерины I до Екатерины Великой / М. С. Пазин — «Яуза», 2013 — (Роковые женщины)

«Бабий век» – так прозвали в России XVIII столетие, когда на русский престол взошли четыре императрицы, правившие в общей сложности почти 70 лет. Стала ли эта эпоха «золотым веком Российской империи» – или засилье фаворитов едва не погубило державу? Как интимная жизнь и альковные тайны императриц определяли судьбы мира, а «роковые женщины» на престоле вершили историю? За что Екатерину Великую ославили «северной мессалиной» и «коронованной блудницей», а простонародные прозвища Екатерины I, Анны Иоановны и Елизаветы Петровны в приличном обществе лучше вообще не произносить? Какие страсти кипели в личных покоях цариц, что за любовные безумства и сексуальные фантазии? И возможно ли на престоле Российской империи простое женское счастье?

© Пазин М. С., 2013

© Яуза, 2013

Содержание

Вступление	6
Марта Жаворонкова	7
Кондиции и амбиции	17
Нетрадиционные отношения	35
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Михаил Пазин
Роковые императрицы России. От
Екатерины I до Екатерины Великой

© Пазин М., 2013

© ООО «Издательство «Яуза», 2013

© ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Вступление

В 1725 году в России к власти пришла Екатерина I. Так начался «бабий век», когда страной правили с небольшими перерывами одни женщины, и закончился он только в 1796 году со смертью Екатерины II. Перед читателем последовательно предстанут Екатерина I, Анна Иоанновна, Анна Леопольдовна, Елизавета и Екатерина II.

Какими он были, эти женщины? Они были разными, со своими причудами и пристрастиями. Примечательно, что никто из них, кроме Анны Леопольдовны, не был замужем, а Екатерина I была вдовой. Поэтому, чтобы опереться на надежное мужское плечо, они заводили себе фаворитов. Некоторые из императриц вели войны, расширяя пределы Российской империи, а некоторые так и остались серыми мышками. Однако главное, что двигало ими – это была любовь. А любовь, как известно, великая движущая сила. Это было время фаворитизма, когда фаворит-любовник готов был на все, чтобы угодить своей любимой.

При Екатерине I это был светлейший князь Меншиков, при Анне Иоанновне – герцог Бирон. Елизавета и Екатерина II особенно отличились на поприще фаворитизма. Вообще-то фаворит – слово французское и обозначает любимчика, которому покровительствует высокая особа. Во Франции – родине фаворитизма в их качестве выступали любовницы королей. Иногда, в силу своих амбиций, они участвовали в управлении государством. В России же фаворитизм принял другую окраску – одинокие императрицы, нуждаясь в сильной мужской руке, специально подыскивали себе таких фаворитов-любовников, чтобы они могли тянуть воз государственных обязанностей. При Елизавете это были Разумовский и Шувалов, а при Екатерине II только официальных фаворитов насчитывалось 12 человек. При ней фаворитизм стал неким государственным учреждением, а фавориты, живя с императрицей, признавались людьми, служившими престолу и Отечеству. Некоторые из них, такие, как братья Орловы, Завадовский или Григорий Потемкин, стали выдающимися государственными деятелями. Фактически при Екатерине II явление фаворитизма достигло пика своего развития.

Однако эта книга не столько о плотских наслаждениях императриц с фаворитами, сколько о любви – любви яркой, необычной, порой драматичной, но вместе с тем и кристально чистой, светлой и, как всякая любовь, непростой. Вот об этих, интересных, насыщенных множеством событий и любовных происшествий, невероятных исторических кульбитах эпохи, мы поведем наш рассказ.

Марта Жаворонкова Императрица Екатерина I

Царица долго стояла на коленях перед императором, испрашивая прощения всех своих поступков; разговор длился больше трех часов, после чего они поужинали вместе и разошлись. Отношения между Петром I и Екатериной оставались очень натянутыми до самой смерти первого. Они больше не говорили друг с другом, не обедали и не спали вместе. Меньше чем через месяц Петр I умер.

Эту даму мы знаем под именем императрицы Екатерины I (1725–1727). Происхождение ее темно и загадочно, да и вообще, откуда она взялась на русском троне? Попробуем разобраться в личности этой женщины и ее любовных похождениях.

Достоверно известно, что она родилась 5 апреля 1684 года и была прислугой у немца пастора Питера Глюка в городе Мариенбурге (Лифляндия), которым владели шведы. Она являлась лютеранкой, поэтому в России ее считали то ли немкой, то ли полячкой, то ли латышкой. Тогда писали просто – «лифляндец», по месту проживания, без указания национальности. Также была известна ее девичья фамилия – Скавронская. С польского ее фамилия переводится как Жаворонкова (скавронек – жаворонок).

Существуют, по крайней мере, четыре версии того, кто же были эти Скавронские. Первая версия состоит в том, что Марта была дочерью литовского крестьянина Самуила Скавронского. Сразу же возникает вопрос: так литовка она или латышка? Впрочем, эстонцы тоже считают ее своей, поскольку Петр I разбил в Таллине парк в ее честь, названный Кадриорг (сад Катрин). В лживом романе Алексея Толстого «Петр I» упоминается, что она говорила по-русски с акцентом. Но если она была литовкой, то фамилия выдает ее русское или, по крайней мере, белорусское происхождение. Следовательно, говорить по-русски с акцентом она не могла. Происходили Скавронские из-под Минска, входившего тогда в Великое княжество Литовское. Звали их изначально Скаврощуками. Самуил Скаврощук был крепостным крестьянином польского

помещика и от притеснений последнего сбежал во владения шведов. Шведы хоть и не отменяли крепостного права в Лифляндии, но беглецов считали свободными людьми и обратно их не выдавали. Во время бегства от пана Самуил Скаврошук полонизировал свою фамилию, взяв имя своего хозяина, и стал теперь называться Скавронским. Впрочем, были хорошо известны и ополяченные белорусы графы Скавронские. Когда они появились в Петербурге в 1710-х годах, поплыл слух, что это племянники и братья Екатерины, но все это оказалось выдумкой: графы Скавронские никем ей не доводились.

У Самуила Скавронского водились деньги, на которые была арендована мыза под Мариенбургом, и на этой мызе у него родилось семеро детей – четверо мальчиков и трое девочек. Но потом была чума, и Бог прибрал к себе отца Марты и старшего брата. Тогда-то и взял себе в услужение Марту пастор Глюк. Мать Марты до своего замужества предположительно принадлежала ливонскому дворянину фон Альведалю, сделавшему ее своей любовницей, и Марта являлась плодом этой связи. Так, в грехе, и была зачата та, которая впоследствии стала русской императрицей под именем Екатерины I. Родовая развращенность матери передается как родовое проклятие – Марта рано познала мужчин, была невероятной распутницей и не оставляла этих занятий до самого конца своей жизни.

Изначально имя будущей императрицы было Марфа, и она была православной, но пастор Глюк перекрестил ее в лютеранство. При этом он лишь слегка модернизировал ее имя; так Марфа стала Мартой. У пастора был большой дом, и, поскольку в крепости Мариенбург жилья было мало, у него всегда стояли квартиранты. Их-то по доброте душевной и ублажала «благочестивая Марта». От одного из них, литовского дворянина Тизенгаузена, Марта даже родила дочь, умершую через несколько месяцев. Поговаривали, что она была любовницей и самого пастора, но эти сведения находятся лишь на уровне слухов.

Она вместе с детьми пастора получила воспитание, сводившееся к умению вести хозяйство и рукодельничать, однако ни читать, ни писать пастор так Марту и не обучил. Он не очень заботился об ее образовании. Впоследствии стоило немалых трудов, чтобы научить ее подписывать хотя бы самые важные императорские указы.

Незадолго до осады крепости пастор Глюк решил положить конец распутству Марты, выдав ее замуж. «Добрый» пастор дал сироте приданое и подобрал ей жениха – королевского драгуна Иоганна Крузе. Свадьбу справили в Иванов день, 6 июля 1702 года. Ей в ту пору было 18 лет – вполне зрелая женщина по тем временам. Марта оставалась в доме пастора Глюка, а Иоганн служил в гарнизоне Мариенбурга. Свое хозяйство молодая чета так и не успела завести – через неделю после свадьбы Мариенбург осадили русские войска. Началась Северная война за возвращение Прибалтики в лоно России.

Крепость Мариенбург построили еще в рыцарские времена посреди озера Алуksне, на территории современной Латвии. С берегом озера крепость соединял мост на каменных сваях. 25 августа, когда русские уже входили в крепость, а гарнизон готовился к капитуляции, Иоганн Крузе зашел попрощаться с женой. Она сама предложила ему бежать – мол, смотри, на том берегу озера русских нет! Иоганн и еще двое шведских солдат уплыли через озеро, и с тех пор Марта больше никогда его не видела.

Иоганн Крузе служил в шведской армии еще много лет, под старость – в гарнизонах на Аландских островах. Выслужив пенсию, он никуда не уехал, поскольку близких и родственников у него не было. Новой семьи Иоганн тоже не завел, и пастору объяснил, что жена у него уже есть, быть двоеженцем и брать грех на душу он не желает. Иоганн ненадолго пережил свою законную жену Марту, скончавшись в 1733 году.

Дальнейшая история Марты, а вернее, фру Крузе, более-менее известна. При штурме крепости Мариенбург настил моста, соединявшего остров с берегом, был разбит из пушек, но каменные опоры, на которых он стоял, остались. К острову подошла целая флотилия русских судов и лодок. Когда начались переговоры о сдаче крепости, мирное население стало переби-

раться по кое-как наведенному настилу моста. В это время два шведских офицера взорвали пороховые склады в крепости. Взрыв был настолько сильным, что камни стали падать в озеро и перебили много людей, пытавшихся перебраться по импровизированному мосту.

Существует две версии, что произошло потом. По одной из них, русские солдаты стали хватать людей и делить их. Нравы тогда были грубые, и города брали «на штык», со всеми вытекающими отсюда последствиями. Марта досталась одному из них. По второй версии, Марта упала в озеро: ее столкнули туда люди, метавшиеся под градом камней. Она стала кричать по-русски: «Солдат, помоги!» Один русский солдат втащил ее в свою лодку. Дальнейшие версии расходятся лишь незначительными деталями. Например, была ли она кратковременной любовницей только одного солдата, который вытащил ее из озера, или нескольких, переходя от одного к другому. Сами ли солдаты продали ее фельдмаршалу Б. П. Шереметеву за серебряный рубль или он сам ее заметил и отнял у солдат по собственной инициативе. Главное, что она оказалась в доме пожилого, 50-летнего Шереметева, тем самым сделав головокружительную сексуальную карьеру – от разовой солдатской потаскухи до наложницы главнокомандующего.

Дальше опять начинаются версии – то ли сам фельдмаршал от великого ума похвастался своей наложницей перед Меншиковым, то ли Меншиков, будучи у Шереметева, заприметил Марту и выменял ее у Бориса Петровича за три рубля денег и «аглицкую саблю». Так она оказалась у всесильного фаворита Петра I Меншикова, продолжая невероятную сексуальную карьеру. Часто бывавший в доме Меншикова царь заприметил Марту, и фаворит, зная любвеобильность Петра, предложил ее «попробовать». «Проба» пришлась Петру по вкусу. Это случилось не позднее 1703 года, так как в следующем году Марта была уже беременна от царя. Впрочем, никакой перемены в жизни Марты от этого не намечалось. Три года она продолжала жить в доме Меншикова вместе с сестрами Варварой и Дарьей Арсентьевыми и Анисьей Толстой. Все четыре женщины были чем-то вроде личного гарема Петра I и его фаворита Меншикова. (На Дарье Арсентьевой, кстати, Меншиков позже женился, наверное, потому, что и Петр женился на своей бывшей любовнице Марте. Он во всем брал пример со своего благодетеля.)

У Петра в это время были и другие любовницы, но Марта не осмеливалась даже упрекать его за это. Так будет продолжаться и в дальнейшем – она не только не упрекала царя за внебрачные связи, но даже сама подыскивала ему любовниц.

Именно в доме Меншикова ее стали звать Екатериной – то Екатериной Трубачевой (говорили, будто ее муж был трубачом), то Катериной Василевской (по названию Васильевского острова, на котором стоял дворец Меншикова). Она провела у него целых три года, пока Петр I не забрал Марту у Меншикова к себе, и с тех пор они уже не расставались. Когда в 1708 году она опять перешла в православие, ее окрестили Екатериной Алексеевной, потому что в роли ее крестного отца выступил сын Петра, царевич Алексей.

Екатерина, судя по ее портретам, не была красавицей. Однако в ее полных щеках, вздернутом носе, в бархатных томных глазах, в ее алых губах и круглом подбородке было столько страсти, в ее не лишенной изящества фигурке было что-то такое, что понравилось Петру, и он всецело отдался этой женщине. Начиная с 1709 года она уже не покидала царя, повсюду сопровождала его во всех походах и поездках. Перед отправлением в Прутский поход 1711 года Петр объявил о своем намерении жениться на Екатерине.

Любил ли Петр Екатерину? Мы не имеем в виду секс, с этим-то как раз понятно. Сложно сказать. Наверное, они были близки по духу. В письмах 1711 года он обращается к ней: «Катеринушка, друг мой, здравствуй!» А вот другое письмо, датированное 1707 годом: «Для Бога, приезжайте скорей, а ежели за чем невозможно скоро быть, отпишите, понеже не без печали мне в том, что ни слышу, ни вижу вас». Так выражают свои чувства только близкому человеку. Одним словом, Екатерина пользовалась уважением и любовью Петра. Сочетаться браком с безродной пленницей, да еще и имевшей репутацию «ночной бабочки», и пренебречь заморскими принцессами или боярскими дочерьми было неслыханным вызовом всему обществу,

нарушением вековых традиций. Однако царю Петру на все это было наплевать – он еще и не такие традиции нарушал.

Церковный брак Петра I с Екатериной состоялся 19 февраля 1712 года, а в 1721 году она была объявлена императрицей и в мае 1724 коронована этим титулом. Считалось, что после миропомазания за все свои поступки она отвечала лишь перед Богом.

У них было одиннадцать детей, и почти все они умерли в младенчестве. В живых остались только две дочери – Анна и Елизавета (будущая императрица). Екатерина, осознав, как ей подфартило, во всем слушалась Петра, до тонкости изучила его характер, умела угодить ему, могла, когда нужно, обрадовать его и успокоить. Готова была разделить с ним и веселую трапезу и походные будни. В общем, для Петра I она стала идеальной супругой.

Первая жена Петра, Евдокия Лопухина, которую он заточил в монастырь, не подходила ему ни по каким параметрам. Зато Екатерина была зеркальным отображением «Отца отечества». Казалось бы, быть такого не может, чтобы какая-то безродная шлюха стала достойна супружества с представителем столетней династии Романовых, но, вспомнив, как Петр I вел себя в быту, то сразу становится ясно – эти сапоги были парой. Еще до своего бракосочетания с Петром Екатерина была настоящей офицерской женой: сопровождала его во всех военных походах, пила наравне с мужчинами водку и веселилась на развалинах крепостей. Царь не мог на нее налюбоваться: вот это женщина! Настоящая амазонка! Став царицей, она не изменила своим привычкам, любила выпивку, мужчин и веселый разгул. Напомним, что она была на 12 лет моложе Петра и нуждалась по своей давней привычке во внимании мужчин. И не только Петра...

Любила ли она Петра? Сомневаюсь – ее вполне устраивало такое положение; она просто позволяла Петру любить себя и не более. Некоторые мужчины наверняка знают тип женщин, которые позволяют любить себя, пользуются всеми преимуществами любимой женщины, принимают подарки и прочее, но при этом ничего не отдают взамен. Иногда даже в интиме отказывают или «дают» раз в год и то по великому обещанию. При этом обставляя все так, чтобы любовник от интимной близости с ней был на седьмом небе от счастья! Они просто пользуются мужчинами. Мужики! От таких женщин нужно сразу же бежать без оглядки! Екатерина была несколько иной – она охотно спала с Петром (попробовала бы отказать ему!), но и себя при этом не забывала. Даже в наше «прогрессивное» и либеральное время, время свободы нравов, мало кто сомневается – любящие женщины не спят с кем попало, едва только «любимый» муж зазеваается. А Екатерина спала...

Первое время после замужества Екатерина вела себя в этом отношении тише воды, ниже травы. Правда, совсем не из-за своей добродетели, а потому что непрерывно рожала детей Петру, которые так же непрерывно и умирали. И только тогда, когда ее детородные функции угасли, она опять вспомнила свою профессию полковой шлюхи. Все-таки она была еще молода, хотя и бесплодна от частых деторождений. Это было и к лучшему – не нужно было заботиться о контрацепции: все равно не забеременеет. К этому следует добавить еще и то, что Петр стал к 1724 году импотентом. То ли из-за мочекаменной болезни, которая его мучила, то ли из-за неумеренного потребления спиртного. Так что Катерине были все карты в руки.

Первого своего любовника из окружения царя, Алексашку Меншикова, пришлось отметить по двум причинам: во-первых, он был вторым «я» своего уважаемого «минхерца», а во-вторых, единожды уступив ему женщину, он уже нипочем не стал бы на нее заглядываться. Впрочем, ходили упорные слухи, что Меншиков не порывал любовной связи с Екатериной ни на месяц и что часть детей Петра на самом деле была рождена от светлейшего князя. Если учесть еще и сожительство Меншикова с Петром «бляжым образом», то получится классическая «шведская» семья. Но, по-моему, это все неправда, а впрочем, всякое могло быть...

Поэтому Екатерине пришлось бросать томные взоры в другую сторону. Однажды в поле ее зрения попал красавец и весельчак Виллим Монс.

Да, он, по иронии судьбы, был младшим братом той самой любовницы Петра I Анны Монс, о которой мы писали в предыдущей главе. Однако ей хватило ума удержаться в роли фаворитки царя, и она пала, но зато успела выдвинуть на выгодные посты своего брата Виллима и сестру Матрену. Падение Анны Монс никак не повлияло на судьбу этих двух отпрысков семьи Монс: к 1720-м годам Матрена уже была статс-дамой Екатерины и женой генерала Балка, и Виллим стал камер-юнкером двора в 1716 году. До этого он участвовал в сражении при Лесной и Полтавской битве, где проявил себя мужественным и храбрым офицером. Петр I, отметив ловкость и расторопность Виллима, сделал его своим денщиком, а затем, благодаря усилиям Матрены, тот стал камер-юнкером, а позже, в 1724 году, и камергером. В пору камергерства ему было 36 лет.

Виллим Монс был хорош собой, красив, изящен, галантен и широко образован. Без всякого сомнения, сердце молодой императрицы Екатерины не могло остаться равнодушным к блестящему придворному. К тому же сказывался комплекс неполноценности Екатерины – ее, едва умевшую писать, неотвратимо влекло к европейски образованному Монсу. К тому же камергер выгодно отличался от других придворных. В окружении Петра преобладали грубые солдафоны, вороватые торговцы, откровенные пираты, по которым на родине веревка плакала, и тому подобные личности. В область изящной словесности их интересы явно не простирались. В этой среде Виллим Монс казался белой вороной.

Он умел великолепно описывать эпистолярным жанром обуревавшее его любовное томление. Свои любовные письма он в обилии рассылал дамам своего сердца. Еще он сочинял стихи. Отмечая свое слабое знание русской грамматики, он писал латинскими буквами русские слова. Все, читавшие его письма и стихи, отмечали поразительное изящество стиля. Какая из придворных дам не мечтала получить такое письмо? И Виллим, однажды попав в великосветское общество, свой шанс не упустил. В Петровскую эпоху было принято устраивать вечеринки (которые гордо назывались ассамблеями), балы и маскарады. Зрелые дамы, изнывавшие от любовного томления, на этих вечерах завязывали с молодыми людьми мимолетные романы, и письма Виллима Монса были подобны горящему факелу, поднесенному к хворосту истомившейся женской души. И непризнанный поэт широко этим пользовался: к сожалению, до нас не дошел список его амурных побед (а их было немало), но об одной жертве его литературных забав говорил весь двор. Имелись неоспоримые свидетельства, что между Виллимом и Екатериной постоянно курсировали курьеры с записками, содержание которых никому не было известно. Это, по всей вероятности, были любовные послания, на которые клюнула Екатерина и которые сыграли роковую роль в судьбе Монса.

Вскоре Виллим Монс стал фаворитом Екатерины. Петр же ни о чем не догадывался. Приблизившись ко двору, он сумел завести необходимые связи. Молодой красавец жаждал от своего выгодного поста денег, денег и только денег. Когда выпал случай, он отправился с Петром и Екатериной за границу и так ловко устроил все царские дела, что император издал специальный указ о том, чтобы «Монс употреблен был в дворовой нашей службе при любезнейшей нашей супруге». Таким образом, Петр сам пустил козла в огород. Благодаря протекции самого государя он принялся управлять селами и деревнями, принадлежащими Екатерине, устраивать празднества и увеселения, до которых императрица была так охоча, и в конце концов из секретарского кабинета начал двигаться в царскую спальню. Виллим Монс докладывал Екатерине обо всех делах и новостях, вел всю корреспонденцию, заведовал ее собственной казной и «находился при Катериночке неотступно». Он мечтал только об одном – как бы на постельном поприще стать «заместителем царя».

Ввиду частых отлучек «старика» Петра, Монс всячески развлекал Екатерину и наконец был всемилостивейше допущен в ее спальню. Симпатии были взаимными – Екатерину тянуло к молодому, веселому и ловкому камергеру, а ему было нужно положение при дворе ради добычания денег. В общем, оба были довольны, плюс приятный секс, разумеется.

Придворные, быстро смекнув, в чем дело, начали искать расположения фаворита Екатерины. Так баловень судьбы мгновенно превратился в богатого и влиятельного человека, владельца огромного количества имений, и решил уже было, что поймал удачу за хвост. Активность Монса быстро возросла – он стал вмешиваться в дела правительства и суда, а так как ни бельмеса в этом не понимал, то только пытался урвать очередную взятку. Такая деятельность екатерининского секретаря бросала тень не только на императрицу, но и на самого царя. Но близко стоявшие к трону люди решительно «оберегали» Петра от правды по поводу его «заместителя»; им было выгодно пользоваться услугами фаворита Екатерины, обделявая свои темные делишки. Так, Меншиков, попавший в 1722–1723 годах в немилость Петра из-за превышения власти и неумолимой страсти к государственной собственности, спасся только благодаря заступничеству Монса и Екатерины. Светлейшему князю тогда грозили отнюдь не побой царя его знаменитой палкой, а чуть ли не смертная казнь. Император тогда простил Алексашку благодаря настойчивой просьбе жены и ее секретаря, предварительно давшей тому многотысячную взятку.

Заведуя Вотчинной канцелярией, то есть ведомством, которое уже в наше время называли Госкомимуществом, Виллим Монс брал огромные взятки с заинтересованных лиц. Делал он это с помощью своей сестрицы Матрены Иоганновны, которая находила ему «нужных» людей. Монс никому не отказывал, благодаря чему получил репутацию благожелательного человека. Чем более росло благорасположение Екатерины к камергеру, тем более расширялось могущество Виллима Монса. Чтобы понять, какого влияния достиг Виллим Монс, скажем, что к нему за помощью обращалась даже царица Прасковья, вдова умершего соправителя Петра, Ивана V. А ведь она была с Петром I накоротке! Екатерининского фаворита осыпали подношениями, перед ним заискивали.

Однако стремительный взлет Виллима Монса вызвал приступ зависти у его недоброжелателей – ишь ты, выскочка какой нашелся! Пора открыть глаза на все происходящее Петру Алексеевичу, пора... И на свет появился анонимный донос, адресованный Петру I. Неизвестный писал, что Монс задумал отравить государя, чтобы самому править вместе с Екатериной. Конечно, все это было чушью – так далеко планы Монса не простирались; ему бы карманы себе набивать, не более. И Петр, конечно, не поверил в версию о покушении на свою персону, однако намек на любовную связь своей обожаемой Катеринушки с Монсом был воспринят им близко к сердцу. И государь пришел в ярость. Он приказал схватить щеголя и нещадно его пытать. Это случилось в ноябре 1724 года.

Когда Монса арестовали, коррумпированное петербургское общество было словно гром поражено, так как многие из тех, кто привык действовать в своих интересах через любовника императрицы, теперь ждали неминуемой расправы.

Дознание по делу Монса производил лично руководитель Тайной канцелярии П. Толстой. Арестованный, едва увидев орудия пыток, чуть не свалился в обморок и тут же признался во всем, в чем его обвиняли. Этот лохотный красавец, сильно заботившийся о своей внешности и не выносивший боли, при виде дыбы и раскаленных щипцов мог оговорить себя и кого угодно. Поэтому ему не поверили, но когда нашлись интимные письма Монса к Екатерине, Петр взбесился. Задумки отравления царя, как Петр и думал, не было и в помине, но постельные эскапады Монса с Екатериной были. Он был взбешен признаниями Виллима Монса, и можно только догадываться, что творилось с ним в эти дни, зная его склонность к необузданному гневу и нетерпимость даже к малейшему намеку на нарушение его чести! Приступы царского гнева были опасны для всех, кто попадался ему на пути. Однажды, ослепленный бешенством, он чуть не убил собственных дочерей, Елизавету и Анну. Рассказывали, что лицо царя то и дело сводила судорога, иногда он доставал свой охотничий нож и в присутствии дочерей бил им в стол и стену, топал ногами и размахивал руками. Уходя от них, он так хлопнул дверью, что она рассыпалась в щепки. Мы уже писали в предыдущей главе, что Петр был подвержен

приступам необузданной ярости, которые могла гасить только Екатерина. Когда окружающие замечали искривившийся рот царя – предвестник гнева, то они сразу же посылали за ней. Она клала голову Петра к себе на колени, гладила ее, и он засыпал. Однако на этот раз успокаивать царя было некому – именно Екатерина, единственная, кто мог гасить его гнев, оказалась изменницей!

Закономерно, что Петр позволял себе нарушать супружескую верность, но не считал, что точно таким же правом обладает и Екатерина. В общем, верно было наше утверждение – два сапога пара.

Словами трудно передать, что творилось в душе Петра! Единственный близкий ему человек предал его! Кем же стала та, к которой он обращался со словами: «Катеринушка, друг мой!»? Он потребовал от своей «верной» женушки объяснений. Тут-то и произошла сцена, описанная нами выше, – царица на коленях вымаливала у Петра прощения. Как никто другой, зная Петра, она могла ожидать от него чего угодно – даже казни за прелюбодеяние! Ей уже мерещилась отрубленная голова Машки Гамильтон, валяющаяся в грязи! Однако Петр сумел укротить свой гнев и не стал жестоко наказывать Екатерину – все-таки она была матерью его детей. Ни в Бога, перед которым Екатерина была после коронации ответственна, ни в черта Петр, конечно же, не верил. Не нужно было этого делать и по политическим соображениям – не устраивать из этого скандала, чтобы он стал посмешищем в глазах всех царствующих дворов Европы. Признание главной вины Монса так глубоко поразило царя, что на все остальные проступки арестанта он взглянул только слегка, только как на официальный предлог к осуждению. Преследовать же взяточдателей ему показалось слишком мелким.

У Петра хватило присутствия духа обвинить Монса лишь в экономических преступлениях. В вину ему поставили присвоение оброка с деревень, входящих в Вотчинную канцелярию, получение взяток за предоставление места на казенной службе, мздоимство и прочее в том же духе. О Екатерине не было сказано ни слова.

15 ноября 1724 года жителям Петербурга был оглашен царский указ, в котором говорилось следующее: «1724 года в 15-й день, по указу Его Величества Императора и Самодержца Всероссийского объявляется во всенародное ведение: завтра, то есть 16-го числа сего ноября, в 10 часу пред полуднем, будет на Троицкой площади экзекуция бывшему камергеру Виллиму Монсу да сестре его Балкше, подьячему Егору Столетову, камер-лакею Ивану Балакиреву – за их плутовство такое: что Монс, и его сестра, и Егор Столетов, будучи при дворе Его Величества, вступали в дела противные указам Его Величества, не по своему чину укрывали винных плутов от обличения вин их, и брали за то великие взятки: и Балакирев в том Монсу и прочим служил. А подлинное описание вин их будет объявлено при экзекуции».

Примечательно, что к делу Монса был привлечен придворный шут Балакирев, пострадавший, вероятно, только за то, что носил от камергера Екатерине любовные записочки.

Указ императора не остался без внимания. Наутро следующего дня на Троицкой площади перед эшафотом собралась огромная толпа горожан, желающих поглазеть на страшное и кровавое зрелище. К 10 часам утра к площади приблизилась мрачная процессия. Солдаты вели Виллима Монса. Его сопровождал лютеранский пастор. Бывший любовник императрицы, камергер Двора, известный франт и щеголь, предстал теперь перед публикой бледным и изможденным. Он был в нагольном тулупе и с ужасом взирал на шест с заостренным концом, приготовленный для его головы. Очевидцы свидетельствовали, что перед казнью он был тверд духом и только попросил палача отрубить ему голову с первого удара топора.

Между тем церемония казни продолжалась. Перед притихшей толпой зачитали приговор. В это время Монс, обводивший толпу помутневшим взором, не обнаруживал никаких эмоций. Его бледное лицо было словно маска. Когда к нему для последнего слова подошел пастор, он отдал ему последнее оставшееся у него имущество – драгоценные часы с портретом Екатерины на крышке. По сигналу палача он снял тулуп, шейный платок и положил шею на

плаху. Как Монс и просил, палач с одного удара снес ему голову с плеч и затем насадил ее на шест. Затем тело бывшего фаворита привязали к специальному колесу, которое тоже выставили на всеобщее обозрение.

Немного отвлечемся от описаний этой кровавой сцены. Это был чуть ли не единственный случай казни в петровское время за взяточничество и казнокрадство. То, что в этом деле были замешаны личные амбиции Петра, подчеркивается тем фактом, что казнили только Виллима из всех привлеченных по этому делу. Взяточничество и казнокрадство при Петре на Руси процветали махровым цветом, и казнить надо было все окружение царя, а не, пострадал лишь Монс.

Спустя некоторое время на этом же залитом кровью помосте жестоко высекли кнутом Матрену Балк, Егора Столетова и шута Балакирева. Первую затем сослали в Тобольск, а последних – в пожизненные каторжные работы.

Расскажем немного о персоне Матрены Балк. Как мы уже писали ранее, она была сестрой той самой Анны Монс, первой любовницы Петра. В прошлом она тоже была любовницей царя, а затем стала ближайшей подругой и наперсницей Екатерины, посвященной во все ее сердечные тайны. Она являлась статс-дамой Двора государыни и вышла замуж за генерала Балка. Говорят, что Екатерина очень любила Матрену; возможно, это было связано со страстью государыни к ее брату – Виллиму Монсу. Матрена тоже оказалась замешана в деле своего брата. Как выяснилось, она помогала ему в выгодном посредничестве между придворными, вельможами и Екатериной. После того как Виллим был арестован, пришел черед и Матрены. В ноябре 1724-го ее дважды допрашивали с пристрастием, и испуганная наперсница рассказала, что она получила взятки от почти тридцати лиц, в числе которых были такие высокопоставленные персоны, как светлейший князь Александр Меншиков, царица Прасковья Федоровна, курляндская герцогиня Анна Ивановна, герцог Голштинский Фридрих и многие другие. От них она принимала деньги, дорогие ткани, кофе, муку, даже старые платья и какой-то «возок». В общем, она ничем не чуралась – брала, что дают. После того как над Матреной была совершена публичная экзекуция, ее сослали в Тобольск. Екатерина ничем не могла помочь своей бывшей наперснице. Очевидно, что не взятки были главными в обвинении Матрены, а то, что она способствовала амурной связи между своим братом и Екатериной.

От взяточничества своей матери пострадали и два ее сына – их из Петербурга послали служить в войска, расквартированные в персидской провинции Гилян. Через шесть дней после экзекуции Матрену повезли в Тобольск. Однако она не успела доехать туда. Пришедшая к власти после смерти Петра Екатерина приказала вернуть ее с дороги и привезти в Москву, а двух ее сыновей «отмазала» от службы в Иране (тогда Персии). Сыновья Матрены при последующих императорах сделали неплохую карьеру.

Сложно сказать, смогла ли бывшая наперсница восстановить свое прежнее влияние на Екатерину, последняя сама только чудом спаслась от подобной экзекуции. О чем она думала, занимаясь сексом с Монсом? О том, что Петр не узнает о ее проделках? Не знаю... Наверное, она надеялась на русское авось – авось Петр ничего не узнает, авось пронесет, авось придворные выгорят ее и так далее. «Основной инстинкт» взял свое.

Неизвестно, присутствовал ли на казни Монса сам Петр – ведь он любил кровавые зрелища, но вот что Екатерины не было там, это точно. Она пребывала в глубокой депрессии из-за казни своего возлюбленного, а пуще всего после тяжелого разговора с Петром. Однако царь решил напоследок поиздеваться над ней. Через три дня после казни Монса Петр, совершая прогулку по городу вместе с Екатериной, умышленно завернул на Троицкую площадь, где на колесе лежал разлагающийся труп ее любовника. Это было сделано нарочно, чтобы принести ей еще большие страдания. Посмотрев на брненное тело Виллима Монса, императрица печально заметила: «Как грустно, что у придворных может быть столько испорченности». Этим

она хотела отгородиться от несчастного фаворита, мол, сам виноват. А она святая? Кто бы поверил...

Голову Виллима Монса царь приказал заспиртовать и поместить в Кунсткамеру, где до этого в качестве экспоната уже находилась голова Марии Гамильтон (о ней мы рассказывали в предыдущей главе). По слухам, заспиртованную голову Монса Петр перед тем приказал поставить в спальню своей неверной жены ей в назидание, чтобы больше не блудила. Якобы Екатерина была вынуждена в течение целых пяти месяцев созерцать это кошмарное зрелище. Однако вряд ли такое могло быть, так как Петр умер примерно через месяц после казни Монса. На некоторое время, не больше, он действительно мог поставить банку в спальню Екатерины, с него случилось бы. Уже Екатерина II приказала обе головы уничтожить.

А что же Екатерина? Ей временно пришлось убавить свои аппетиты. Петр запретил коллегиям, то бишь министерствам, принимать от государыни рекомендации и приказания. Денег в одночасье не стало – муж приказал арестовать все ее заграничные счета, перестала получать она деньги и от казны. (У нее были счета в Амстердамском банке, которые она пополняла за счет взяток от лиц, которым грозила опала, заступаясь за них перед Петром.) Для того чтобы рассчитаться с местными торговцами, Екатерина Алексеевна даже была вынуждена занимать деньги у своих фрейлин.

Петр I умер в страшных мучениях 28 января 1725 года. Уже в наше время, в 1970 году, врачи определили, что он скончался от мочекаменной болезни, осложненной возвратом плохо залеченного венерического заболевания. Вероятно, того самого сифилиса, которым его «наградила» Авдотья Ржевская. Хотя Петр и объявил Екатерину императрицей, из-за случая с Монсом он не решился передать ей трон, вернее, не довел акт коронации до логического конца. Известно, что, отправляясь в Персидский поход 1724 года, Петр хотел объявить ее своей наследницей, но после дела Монса разорвал свое завещание.

Петр I вообще не оставил никакого завещания. По закону о престолонаследии 1722 года, подписанному Петром, император сам должен назначать себе преемника, но этого не случилось: жена ему изменила, а другой кандидатуры у него просто не было. Таким образом, вопрос о престолонаследии повис в воздухе.

Екатерина отлично осознавала, что у нее абсолютно никаких прав на престол нет. Поборники старины в цари прочили девятилетнего Петра, сына замученного царевича Алексея. Даже ходили слухи о ее заточении в монастырь вместе с дочерьми.

В таком случае все бывшее окружение Петра I должно было уйти в отставку, а то и поплатиться головой, а им этого ох как не хотелось. Вот они-то и возвели Екатерину на престол. Во главе этой партии стоял бывший любовник Екатерины Александр Меншиков. Еще не успело остыть тело Петра (он умер в 5 часов вечера), как уже в 8 часов в Зимнем дворце собрались высшие чины государства. Стали спорить о наследнике. Екатерина прежде всего опиралась на гвардию. Императрица обещала солдатам немедленную выплату жалованья, задержанного за полтора года, и по 30 рублей награды каждому гвардейцу, который поддержит ее. И гвардия поддержала ее. Так Екатерина, бывшая прачка и проститутка, вступила на Российский престол.

Как мы уже и писали, Екатерина не умела ни читать, ни писать. В глазах Петра I, самого писавшего с чудовищными грамматическими ошибками, это не выглядело предосудительным, но всероссийской императрице подобное было не к лицу. По свидетельству современника, она в течение трех месяцев лишь училась ставить свою подпись под документами. И не более того! Этим, собственно, и ограничивалась ее государственная деятельность. Во главе империи в феврале 1725 года был поставлен Верховный тайный совет из шести человек (как сейчас скажали бы – неконституционный орган, который не подчинялся ни Сенату, ни Синоду), главную скрипку в котором играл Александр Меншиков. Он-то фактически и управлял страной.

А Екатерина, почуяв свободу, пустилась во все тяжкие. У нее пробудились долго сдерживаемые инстинкты – грубая чувственность, стремление к низкому разврату и низменные

наклонности ума и плоти. Она была так же свирепа, как и Петр. Как-то раз она собственноручно пытала в застенке свою горничную за какую-то мелкую провинность.

Проведя всю жизнь с Петром, который пил часто и без всякой меры, она тоже пристрастилась к спиртному, и от этого у нее отказали тормоза. После смерти Петра пьянство стало ее постоянным занятием. Все 26 месяцев ее правления были как бы одним сплошным кутежом. Став самодержавной государыней, Екатерина безудержно предалась развлечениям и практически все время проводила на пирах, балах и разнообразных праздниках. А еще ее интересовали наряды. Балы сменялись маскарадами, маскарады – празднествами по случаю награждения орденами. Екатерина даже издала специальный указ, в котором предписывалось знати еженедельно, по четвергам в пятом часу пополудни, собираться у нее на «куртагах». Проводить ассамблеи же предписывалось в остальные дни, и не только у нее, но и других вельмож. С непременною распитием горячительных напитков, естественно.

По свидетельству современника, утро Екатерины начиналось с визита Меншикова. Разговору о государственных делах всегда предшествовал вопрос: «А что бы нам выпить?» – и сразу же опорожнялось несколько стаканов водки (да, Марта Скаврнская пила водку именно стаканами!). Затем она выходила в приемную, где уже собирались множество солдат, матросов, работных людей, и всем раздавала милостыню. Если кто просил царицу быть крестной матерью новорожденного ребенка, она никогда не отказывала – как же, появлялся еще один повод выпить. Временами она присутствовала на смотрах гвардейских полков и лично раздавала солдатам водку, не забывая при этом и самой угощаться. Ее день обычно заканчивался вечеринкой в кругу теплой компании, а ночь проводила с одним из своих любовников. В их числе называли обер-прокурора Ягужинского, графа Петра Сапегу, барона Левенвольде, генерал-полицмейстера столицы Антона Девиера. Имена же других, менее именитых и кратковременных любовников императрицы знала только ее личная камеристка. По непроверенным данным, их было не менее 20 человек! Ее спальня превратилась в кабак и притон разврата.

Все придворные дамы и наперсницы Екатерины старались не отставать от своей благодетельницы ни в чем. Таким образом, русский императорский Двор превратился в самый настоящий вертеп и представлял собой картину самого разнузданного разврата. Еще один современник писал: «Нет возможности определить поведение этого двора. День превращается в ночь... Все стоит и ничего не делается... Всюду интриги, искательство, распад...»

От такого нездорового образа жизни и постоянного пьянства (благо еще, что она не курила, как Петр, крепкого табаку) у ранее крепкой, свежей и здоровой Екатерины начались проблемы. «Секс-бомба» тяжело заболела. В марте 1727 года у нее появилась опухоль на ногах, которая стала быстро подниматься к бедрам. У нее начались приступы кашля, обнаружилась лихорадка. В апреле она слегла в постель, а 6 мая умерла совсем молодой, в 43 года, и была похоронена рядом с мужем в Петропавловском соборе Петербурга. Перед смертью Екатерины I Александр Меншиков заставил ее написать завещание, согласно которому власть в стране передавалась малолетнему царевичу Петру, сыну несчастного Алексея Петровича, замученного отцом в 1718 году. Он надеялся стать при нем регентом.

Так кем же была русская императрица Екатерина I? Если следовать логике, то она была двоемужницей, имела множество любовников, включая фельдмаршала Шереметева, генералиссимуса Меншикова, Виллима Монса и императора Петра I, но так и осталась фру Иоганн Крузе, в девичестве Марфой Жаворонковой.

Р. С. Интересно, что заказанной Петром I для коронации Екатерины короной не пожелала воспользоваться ни одна из будущих императриц Всероссийских. Они считали для себя позором надевать корону, которая была изготовлена для безродной прибалтийской потаскухи. Каждая из них теперь заказывала себе собственную корону.

Кондиции и амбиции Императрица Анна Иоанновна

«Престрашного была взору, отвратное лицо имела, так была велика, когда между кавалеров идет – всех головою выше и чрезвычайно толста» – так писала об этой персоне графиня Наталья Шереметева.

Речь шла о последней, истинно русской по крови, императрице Анне Ивановне. (Обычно в исторических трудах ее величают Анной Иоанновной. Однако в этом утверждении есть несомненный парадокс – ее отца звали Иваном V, и никто с этим не спорит, а она вдруг стала Иоанновной, на церковный лад. Так что это вопрос терминологии. Мы все же будем называть ее Анной Ивановной, по отцу.)

Как же она оказалась на троне? Пути российской истории неисповедимы и непредсказуемы. В этом деле роль сыграл Его величество случай, так что императрицей она стала совершенно случайно. Однако вернемся немного назад, чтобы освежить в памяти некоторые моменты истории.

Как мы уже говорили ранее, правительница Софья добилась того, чтобы царями стали сразу два человека – ее родной брат Иван и сводный брат Петр. Они некоторое время царствовали вдвоем под именами Ивана V и Петра I. Потом Иван V умер и остался царствовать один Петр I, но это уже другая история.

Так вот, отцом Анны и был тот самый Иван V. Иван родился в 1666 году от царя Алексея Михайловича и Марии Милославской. Он изначально был болен: и телесно, и душевно. Так уж случилось, что у первых Романовых все мальчишки рождались с целым букетом всевозможных болезней, главной из которых была цинга; они долго не жили. А вот девочки рождались вполне здоровыми и упитанными; они жили долго.

Итак, Иван был больным человеком. Петр отзывался о нем как о «дураке несусветном». Когда они вдвоем сидели на особом двойном троне, по уверениям Петра, у Ивана «из ушей и

из носу воняло». И вправду, Иван был хилым, подслеповатым мальчиком, и к тому же он был «скорбен главою» (то есть слабоумным). К тому же у него был какой-то дефект речи – он с трудом изъяснялся, был косноязычен и отставал в развитии от своих сверстников. По словам французского резидента в Москве, «молодой принц страдает болезнью век, не позволяющей ему открывать глаза без посторонней помощи». Другой современник повторял почти то же: «Царь Иван был от природы скорбен главою, косноязычен, страдал цингой; полуслепой, с трудом поднимал он свои длинные веки, и на восемнадцатом году от рождения, расслабленный, обремененный немощью духа и тела, служил предметом сожаления и даже насмешек бояр, его окружавших». Однако Иван был добрым малым и ни на кого не обижался. Он вообще был незлобивым человеком. Кроме того, он так же, как и Петр, страдал припадками. По свидетельству иностранных путешественников, припадки у царя Ивана случались ежемесячно. Австрийский дипломат отмечал, что царь «говорил слабым и неясным голосом», а когда «встал, чтобы спросить о здоровье императора, то едва мог стоять на ногах, и его поддерживали два камергера под руки».

Ивана V, хотя он и был «старшим» царем (он действительно был старше Петра на 6 лет), никто в политический расчет не брал, кроме родной сестры правительницы Софьи. При этом расчет был не политическим, а сугубо утилитарным. Как мы уже писали ранее, она решила женить Ивана с тем, чтобы у него родился мальчик-наследник, при котором Софья намеревалась быть регентшей и править страной еще долгие годы. Петру I при этом раскладе ничего не светило. Современник тех событий писал об этой задумке Софьи так: «Царя Ивана женить, и когда он сына получит, кой натурально имеет быть наследником отца своего, то нетрудно сделаться может, что Петр принужден будет принять чин монашеский, а она, Софья, опять за малолетством сына Иоаннова, пребудет в том же достоинстве...» Вот так – Петру даже монашество грозило!

В невесты 18-летнему Ивану она выбрала 20-летнюю Прасковью Салтыкову, 1664 года рождения. Жених Иван, конечно, был никудышный, зато всецело находился во власти сестры: «...Хотя Царь Иоанн сперва к такому (браку) никакой склонности не оказывал, однако не был он в состоянии противиться хотению сестры своей». Когда Прасковья узнала об этих планах, по словам одного шведского дипломата, заявила, что «скорее умрет», чем выйдет замуж за Ивана. Однако «молодых» об этом никто даже не спрашивал. Главное, что ее отец, Федор Салтыков, принадлежал к партии Милославских, остальное же роли не играло.

Свадьбу сыграли в 1684 году со всеми церемониями, приличествующими таким торжествам. И стали ждать наследника. Иван хоть был и слабоумным, а свое дело знал туго. По свидетельству современника, «и на праздники господские, и в воскресные дни, и в посты царь и царица опочивают в покоях порознь; а когда случится быти опочивать им вместе, и в то время царь посылает по царицу, велит быть к себе спать или сам к ней похочет быть. А которую ночь опочивают вместе, и на утро ходят в мыльню (баню) порознь и ко кресту не приходят, понеже поставлено то в нечистоту и в грех...». Однако как ни старался Иван, а наследника все не было и не было.

За первые пять лет их совместной жизни у Прасковьи лишь однажды появилось подозрение, что она беременна. Позже она сама об этом рассказывала так: «При царе-де Иване пучило у меня живот с год, и я чаяла себя весь год брюхата, да так и изошло...» Ну не получалось у Ивана ничего, что тут поделаешь? Однако Софья с нетерпением ждала от брата наследника и придумала выход (не зря ее называли Премудрой). Она подговорила стольника Василия Юшкова, чтобы тот сделал Прасковье ребенка. Тот, получив богатые подарки, рьяно принялся за дело, и уже в конце 1688 года царица действительно забеременела! Вот что значит смена партнера! Все ждали мальчика, но в 1689 году у Прасковьи родилась девочка. Ее, конечно же, объявили царской дочерью и назвали Марией. Юшков был в отчаянии, но своего дела не бро-

сал – не проходило и года, чтобы Прасковья не рожала «царю» ребят, однако все они были... женского пола! «Бракоделом» оказался Василий, ох «бракоделом»...

Кстати, с этим самым Василием Юшковым произошла занимательная история. В 1722 году у царицы Прасковьи служил некий подьячий Деревин, и служил он в области учета дворцовой казны. Чем-то он не понравился фавориту царицы Юшкову и от своей должности был отставлен. Причем отставлен не просто так – Юшков слепил против него дело, обвиняя в разных упущениях по службе, и потребовал значительной денежной компенсации. Рэкет, одним словом. Деревин горячо протестовал и обивал пороги дома Юшкова, требуя справедливости. Однако Юшков, как любовник царицы Прасковьи, был в фаворе, и справедливости от такого человека ждать было бессмысленно. Московское начальство тоже в этом деле Деревину помочь не могло по той же причине. И вот тут-то Деревин в январе месяце случайно нашел необычное письмо. Хорошо зная почерк царицы Прасковьи, он определил, что это было ее послание к Юшкову. Ну и что? Связь царицы с Юшковым хотя и не афишировалась, но о ней многие знали и помалкивали. Однако письмо имело одну странность – некоторые слова в нем были зашифрованы литерами (это была так называемая «литорея» – средневековый тайный шифр). В те времена такие письма таили в себе большую опасность как для отправителя, так и для получателя. Под литерами могли скрываться слова, направленные против государя. Честному человеку незачем скрывать что-то под шифром – а значит, тут дело темное. А за такие дела можно было легко попасть в Тайную канцелярию, где под пытками быстро развязывали языки кому бы то ни было, невзирая на чины и звания. Причем это касалось и царицы Прасковьи; достаточно вспомнить замученного лично Петром I царевича Алексея. Так что дела Василия Юшкова и его любовницы царицы Прасковьи были плохи.

Деревин не смог утаить свою находку, и о ней узнал его недоброжелатель Юшков. Недолго думая, тот от имени царицы посадил Деревина под замок и потребовал вернуть письмо. Деревин говорил, что, мол, ничего не знает, а про себя решил передать его лично Петру I – авось тот разберется. Целый месяц Деревин провел в заточении по прихоти Прасковьиного фаворита Юшкова, но за неимением доказательств его пришлось выпустить.

Петр I как раз в это время находился в Москве, и если бы до него дошли подобные факты, беды было бы не миновать ни Деревину, ни Прасковье с Юшковым. Однако передать письмо государю – это проще сказать, чем сделать. И Деревин забоялся. Как известно, по делам Тайной канцелярии «доносчику – первый кнут». Поэтому, по здравом рассуждении, подьячий счел за благо скрыться из Москвы и вернулся аж поздней осенью.

Все это время Прасковья сильно волновалась и, наконец, выбрала время для удара, чтобы вырвать злосчастное письмо из лап несносного Деревина. Когда осенью 1722 года Петр I ушел в Персидский поход, она подговорила московского обер-полицмейстера арестовать подьячего, обвинив его в краже большой суммы денег. Однако Деревин был не дурак, чтобы попасть как кур в ощип, и ударился в бег. Сам Деревин сбежал, однако пострадали его знакомые и родня. Так или иначе, а дело оказалось в Тайной канцелярии. Там допросили родственников Деревина и узнали, что суть дела заключается в зашифрованном письме царицы Прасковьи. После того как тайное стало явным, Деревин сам пришел в Тайную канцелярию и принес письмо. Его запечатали в особый конверт и спрятали до возвращения Петра I. На всякий случай посадили и Деревина до выяснения всех обстоятельств дела. Царица Прасковья неоднократно пыталась выцарапать это письмо из шкафов Тайной канцелярии посредством московского обер-полицмейстера, но руки у нее были коротки. В те времена Тайная канцелярия была чем-то вроде НКВД, а обер-полицмейстер был, по-современному, из МВД и воздействовать на нее никак не мог. Тогда разгневанная Прасковья решила на следующий демарш – она лично явилась в Тайную канцелярию с огромной свитой. Там ее слуги оттеснили часовых (неслыханное дело!) и на руках внесли Прасковью в камеру, где сидел Деревин (она в то время почти не ходила из-за болезни ног). Она начала с того, что лично избивала подьячего тростью. Заодно она послала

своих слуг к руководителям Тайной канцелярии с требованием выдать ей Деревина. Обер-прокурор Синода Скорняков и генерал Бутурлин, заведовавшие этой конторой, сочли за благо не перечить невестке Петра I, а соврать слугам, что они, мол, в отъезде. Между тем в камере события накалялись. Деревина ей не выдавали, и письма при нем не оказалось. Тогда царица принялась за экзекуцию, вернее, не она, а ее слуги. Деревина жестоко били и жгли огнем. Служители Тайной канцелярии, ничтоже сумняшеся, просили царицу не пытаться заключенного. Все это происходило на глазах Прасковьи, к которой позже присоединилась и ее дочь Екатерина. Последняя уговорила мать прекратить пытки. Однако царица не унималась, и когда Екатерина ушла, приказала своим слугам продолжить экзекуцию. Деревина запытали бы до смерти, но на его счастье в Тайной канцелярии появился генерал-прокурор П. Ягужинский. Он прекратил своеволие царицы Прасковьи и наотрез отказался выдать ей Деревина, за которым числилось «слово и дело государево». Прасковье пришлось отступить.

Пока ожидали возвращения из похода Петра I, измороженный Деревин сумел немного подлечиться. Наконец, в декабре 1722 года в Москве появился Петр, а в феврале 1723 года дошла очередь и до дела Деревина. Суд Петра I был скорым и жестоким. Слуги Прасковьи, участвовавшие в пытках Деревина, «были биты батогами нещадно», но тем дело и кончилось – они были выпущены на свободу. Любовника царицы Прасковьи Василия Юшкова Петр приказал сослать на жительство в Нижний Новгород, а Деревина еще долго держали в заточении – дело двигалось медленно. Никто не хотел вмешиваться в тайны царицы Прасковьи и ее фаворита Юшкова, это было опасно. Вероятно, Петр I знал о содержании письма, в котором, судя по всему, никакой политики не было, а то царь не посмотрел бы, что перед ним больная старая женщина. По всей видимости, оно содержало какие-то интимные подробности отношений Юшкова и Прасковьи. Чем закончилось это дело – неизвестно, но характерно одно: Прасковья готова была замучить человека, прикоснувшегося к ее амурным делам. Вот вам и царица, которую все считали тихоней!..

Однако закончим это, так сказать, лирическое отступление и перейдем к главному повествованию. Воистину судьбой правит Его величество случай! Не будь Юшков «бракоделом» и роди царица Прасковья мальчика, русская история повернулась бы по-другому. Позволим себе немного виртуальной реальности. Петр I вынужден был бы уйти в монастырь, не натворив своих кровавых дел. Страной бы еще долго правила Софья со своим фаворитом Голицыным. А потом мальчик – наследник царя Ивана подрос и стал бы продолжать политику своей двоюродной бабушки Софьи. Это был бы путь эволюционных, постепенных реформ, а не путь крутого перелома, который устроил России Петр. Однако история не знает сослагательного наклонения, а потому вернемся к действительности.

Всего у царицы Прасковьи было пять дочерей: Мария, Феодосья, Екатерина, Анна и Прасковья. Старшие, Мария и Феодосья, умерли в младенчестве, а остальные, в том числе и Анна 1693 года рождения, выросли. Все они считались царскими дочерьми. Вот эта-то Анна Ивановна и стала впоследствии русской императрицей.

Все дочери Прасковьи Салтыковой были веселыми и подвижными хохотушками, а Анна – неуклюжей, толстой и угрюмой молчуньей. Если в некоторых придворных кругах были еще сомнения насчет отцовства приписываемых Ивану дочерей Екатерины и Прасковьи, то уж Анна была точно от Юшкова. При этом, если к первым двум дочерям Прасковья относилась сносно, то Анну она откровенно ненавидела и часто потчевала ее розгами, возможно, за то, что ей приходилось убаживать приставленного к ней Юшкова.

Чтобы разобраться в характере Анны в зрелые годы жизни, необходимо знать, в какой среде она воспитывалась. Прежде всего, царица Прасковья, воспитанная в духе старомосковской старины, тщательно соблюдала все религиозные обряды. Кроме того, она щедро занималась благотворительностью. Правила того времени гласили: «Церковников и нищих и мало-можных, бедных, скорбных и странных пришельцев призывай в дом свой и по силе накорми,

напой и согрей». Прасковья строго следовала этому правилу – весь ее дом был наполнен указанными категориями лиц. Во дворце жили множество девочек-сирот. В подклетьях под дворцом на женской половине жили вдовы, старухи и девицы. Они исполняли роль сказочниц. А еще двор населяли разные юродивые, помешанные и калеки: немые, слепые, безрукие, безногие. Царица Прасковья была очень расположена к ним. Особенным ее уважением пользовался полубезумный подьячий Тимофей Архипыч, ходивший по двору в грязном рубище и выдававший себя за пророка и чуть ли не святого. Он называл Анну Анфисой и предрекал ей монашество. Православная религиозность Прасковьи мирно уживалась с различными суевериями и предрассудками. Она верила в колдовство, чудеса и прочие штучки. Поэтому при ее дворе постоянно толпились какие-то предсказатели, кудесники и колдуны. Вместе с ними при дворе Прасковьи было множество шутов, карлиц и дураков, своими грубыми шутками радовавших непритязательный вкус царицы. Этой публики было так много, что Петр I однажды в сердцах назвал двор Прасковьи «гошпиталем уродов, ханжей и пустосвятов». На время приезда Петра всю эту разношерстную публику прятали по дальним чуланам и чердакам. Петр вообще не любил своего сводного брата Ивана, а его жену с выводком особ женского пола – тем более.

Вот в такой среде и воспитывалась Анна. Отец из-за одолевавших его хворей умер рано, в 1696 году в возрасте 30 лет, и никакого влияния на воспитание дочери не оказал. Анне в ту пору было всего 3 года, и ее воспитание было отдано на откуп все тем же нищим, юродивым и приживалкам, ютившимся в подклетьях терема царицы Прасковьи. Мать, повторяем, ее не любила. Когда наступила пора обучения, в учителях у нее были иностранцы, однако Анна лишь научилась понимать немецкий язык, но так и не научилась писать по-русски без ошибок. Интеллектом она не блистала и, строго говоря, умом тоже. Нелюдимая, угрюмая и неуклюжая девочка, попав в общество, забивалась в угол и громко сопела, не желая и не умея ни с кем общаться. По правде говоря, быть умницей у нее было не в кого, а мать, женщина старой закалки, порола ее за всякую провинность чуть ли не до той поры, когда она стала невестой. Даже в зрелом возрасте отношения у Анны с матерью были довольно напряженные.

Постепенно у Анны под влиянием среды, в которой она обитала, выработалась привычка к разным церемониалам, торжественным выходам и драгоценным украшениям. В то же время у нее ярко проявилась любовь к охоте, разным псарням, зверинцам, конюшням и всякого рода забавам, иногда жестоким. Внешне Анна была не очень привлекательной. У нее было смуглое и грубое лицо, которое производило отталкивающее впечатление. Во всем ее облике сквозило что-то мужеподобное. Сын фельдмаршала Миниха Эрнст так описывал Анну, когда она уже стала императрицей: «Станом она была велика и взрачна. Недостаток в красоте награждаем был благородным и величественным лицерасположением. Она имела большие карие и острые глаза, нос немного продолговатый, приятные уста и хорошие зубы. Волосы на голове были темные, лицо рябоватое и голос сильный и проницательный. Сложением тела она была крепка и могла сносить многие удручения». В дальнейшем грубый нрав Анны, ее крепкая и грузная фигура, низкий и зычный голос оставили неприятный осадок у многих современников.

Однако вернемся во времена ее юности. В 1708 году царица Прасковья с дочками Анной, Екатериной и Прасковьей по приглашению Петра I переехали из подмосковного Измайлово в Петербург. При этом невестка Петра не преминула забрать весь этот «гошпиталь уродов» с собой. Пора было Петру женить своих нелюбимых племянниц. Петр имел на них свои виды и относился к ним, как к оборотному политическому капиталу. На встрече в 1709 году с прусским королем Фридрихом I Петр договорился о женитьбе его племянника Фридриха-Вильгельма на одной из русских царевен. Сам же Фридрих-Вильгельм правил в небольшом герцогстве, граничившем с Россией. Оно называлось Курляндией, формально находилось под польским владычеством, но фактически было самостоятельным герцогством, образовавшимся после распада Ливонского ордена. Петр I хотел наложить на это герцогство свою лапу – ему нужны были выходы к Балтийскому морю. Брачным контрактом он связал бы герцога курлянд-

ского по рукам и ногам. В этом браке была чистая политика и никакой любви. Выбрать невесту для герцога из троих своих дочерей должна была сама царица Прасковья. Жених, субличного вида молодой человек, ей сразу не понравился, и она предпочла отдать ему среднюю, нелюбимую дочь Анну, чтобы оставить при себе старшую и любимую Екатерину. На этом и остановились.

Анну никто не спрашивал, хочет ли она выйти замуж, и вообще в этом деле ее слово было последним. Они с Фридрихом лишь обменялись письмами, ни разу не видя друг друга. Ему даже не показали портрет невесты. Свободен был ли в своем выборе сам жених? Конечно же нет. Слово дяди, прусского короля Фридриха I, было для него законом. Наверное, ему было все равно, по причинам, которые мы укажем ниже.

Петр I перед свадьбой не поспешил – дал Анне 200 тысяч рублей приданого и заключил с Фридрихом I договор, по которому король Пруссии обещал давать Анне по 40 тысяч рублей ежегодно в случае смерти мужа и бездетности. Свадьба состоялась 31 октября 1710 года. Жениху с невестой было в ту пору всего лишь по 17 лет. На торжестве Петр I лично разрезал своим кортиком два огромных пирога, откуда «появилось по одной карлице, превосходно одетых». Они тут же, на столе, исполнили изящный менуэт.

Здесь уместно небольшое отступление: позже этот эпизод вошел в книгу «Приключения барона Мюнхгаузена» как невероятная выдумка. Однако это была не выдумка, а правда. Вспомним слова актера О. Янковского из фильма «Тот самый Мюнхгаузен»: «Дело не в том, летал ли я на Луну или нет, дело в том, что барон Мюнхгаузен никогда не врет!»

По случаю бракосочетания Анны пиры и торжества в Петербурге продолжались два месяца. Свадьбу сыграли в меншиковском дворце – самом приличном здании новой столицы. На следующий день состоялась ранее невиданная церемония – под сурдинку сыграли свадьбу царского карлика Еким Волкова, для участия в которой со всех концов страны свезли более 70 уродов. Все гости потешались над ужимками и кривляньями карликов и карлиц. Такие развлечения были вполне в духе того времени. Забегая вперед, скажем, что чем самостоятельная жизнь Анны началась, тем и закончилась – такой же шутовской свадьбой придворного шута Голицына, сыгранной в знаменитом Ледяном доме зимой 1740 года, в год смерти императрицы.

При этом, по петровскому обычаю, не соблюдалось никакой умеренности ни в еде, ни в питье. Фридрих-Вильгельм тоже был не дурак выпить и в свои 17 лет был уже законченным алкоголиком. Вследствие таких излишеств он заболел – возможно, не выдержал алкогольного состязания со своим новым родственником, Петром I. Как известно, Петр и в пьянстве был Великим.

Не обращая внимания на нездоровье – эка невидаль, похмелье, – он выехал вместе с новобрачной в Курляндию. 10 января 1711 года Фридрих-Вильгельм неожиданно скончался на мызе Дудергоф. Прах герцога отвезли в Курляндию и там похоронили в родовой усыпальнице. Таким образом, Анна в свои 17 лет неожиданно оказалась вдовой, так и не познав радости секса и материнства. Однако Петра I меньше всего волновали чувства Анны – ему даже было выгодно, чтобы на курляндском троне сидела его племянница, пусть и без реальной власти.

Так царица Анна, теперь уже герцогиня курляндская, оказалась у разбитого корыта. Заплаканная, она вернулась в Петербург. Анна недолго пожила в столице, погостила у своей матери в Измайлове, а уже летом 1712 года «добрый» дядюшка Петр I вытурил ее в Курляндию – пусть сидит там и представляет русские интересы в Прибалтике. Одно время Петр даже намеревался отправить туда и Прасковью с оставшимися дочками, но обошлось. Анне Ивановне разрешалось приезжать погостить к матери в Измайлово, но надолго задерживаться в России она не могла. Так Анна оказалась в столице герцогства Курляндского городе Митаве (ныне Елгава, Латвия). Поскольку Анна была абсолютно не годна к управлению не то что герцогством, но даже деревней, в помощники ей дали Петра Бестужева-Рюмина.

И осталась Анна, герцогиня курляндская, одна, во враждебном окружении, фактически изгнанная из России, без чьей бы то ни было помощи. Дядя умершего мужа Фридрих I сразу же забыл о своем обещании выплачивать по 40 тысяч рублей в год в случае смерти мужа, и она постоянно нуждалась во всем, даже в еде. Анна вынуждена была писать униженные и заискивающие письма Петру и его второй супруге Екатерине с просьбой о помощи. Мать, царица Прасковья, хоть и не любила Анну, но все же помогала ей всем, чем могла, в том числе и хлопотами о казенном вспомоществовании. Анна неоднократно приезжала в Петербург и буквально попрошайничала, изо всех сил стараясь понравиться сильным мира сего. Многие жалели Анну, поставленную в униженное положение. Как известно, у нас на Руси страдальцев любят, и это обстоятельство сыграло не последнюю роль в выборе ее императрицей. Не было б счастья, да несчастье помогло.

Это был для нее самый тяжелый период времени – одна, в окружении алчных остзейских баронов, она совсем забросила себя. В это время ее обычно видели полуодетой, нечесаной, целыми днями валявшейся на медвежьей шкуре. Вот в этот момент униженная и оскорбленная Анна и сблизилась с единственным русским человеком в ее свите гофмейстером Петром Бестужевым-Рюминым. Вернее, он воспользовался ее вдовой слабостью, не без взаимного удовольствия, кстати сказать. Она была молода, гормоны играли во всю силу, и мужчина был ей просто необходим. Да и для здоровья «это» полезно. Так Анна и Петр Бестужев стали любовниками. В 1712 году ей было 19 лет, а ему – 48. Разница в возрасте большая, почти в 30 лет, но, как говорят, любви все возрасты покорны. Ничего не попишешь. Итак, Петр Бестужев стал фаворитом Анны и вел все ее дела по управлению герцогством. Также он представлял русские интересы в Прибалтике. Отметим, что подобным образом Анна Ивановна будет поступать и в будущем – заводить себе временщиков-фаворитов, чтобы они за нее управляли государством. А там хоть и трава не расти.

Однако до этого было еще далеко. Пока любовники к взаимному удовольствию наслаждались друг другом, грянул гром. Как-то раз Анна Ивановна помогла бежать в Варшаву второй жене своего дяди, В. Салтыкова, с которой он плохо обращался. Как он узнал об интимной связи Петра Бестужева с Анной, остается загадкой (наверное, у нее были болтливые слуги), но в припадке злобы, в отместку за помощь беглянке, «заложил» их царице Прасковье. Та, конечно, возмутилась и потребовала от Петра I удалить дочкиного «галанта» (так тогда завуалированно называли любовников) из Митавы. Однако Петра I меньше всего волновали амурные своей племянницы – ему нужно было, чтобы Курляндия оставалась в зоне русского влияния, а осуществлять это влияние мог только Петр Бестужев. Так что требование царицы Прасковьи он проигнорировал, и Бестужев остался в Митаве.

В 1713 году Петр I отправил его в Гаагу, как было сказано в указе для «присматривания политических дел», а в 1717 году он снова вернулся к Анне. Любовь любовью, а морковь морковью – все же политика была важнее, и Бестужев по приказу Петра I стал искать ей нового жениха. В том же 1717 году он пытался устроить свадьбу Анны с герцогом Иоганном Вейсенфельдским, а в 1718 году – маркграфом Фридрихом-Вильгельмом Бранденбургским, но в обоих случаях потерпел неудачу. Получив гневное письмо от Петра I, в котором ему запрещалось вмешиваться во внутренние дела Курляндии, Петр Бестужев занялся своими прямыми обязанностями – управлять хозяйством герцогини. В 1726 году снова встал вопрос о замужестве Анны. Петр I уже умер, и к власти пришла Екатерина I. Она вызвала герцогиню вместе с Бестужевым в Петербург и предложила Анне подумать над кандидатурой графа Морица Саксонского (незаконнорожденного сына польского короля Августа II Сильного). При условии женитьбы на Анне он должен был занять герцогский престол Курляндии.

Мы не знаем, как уж там получилось – то ли чувства к Петру Бестужеву у нее угасли, то ли надоел он ей, то ли разница в возрасте сказала, но Анна по уши влюбилась в Морица. Тридцатилетний красавец-мужчина с европейскими манерами (он в то время служил во фран-

цузской армии) свел ее с ума. Анне в ту пору было 33 года – почти ровесники! Он был галантен и изыщен, обходителен и вежлив – просто душа! Вместе с тем от него веяло порохом сражений, дымом бивачных костров и конским потом (этот запах Анна запомнит на всю жизнь). Он был мужественным рубакой – прославился в войне с турками. Не влюбится в такого было просто невозможно! И Анна, не блещущая красотой, осознавая свою неуклюжесть, отдалась ему всеми фибрами своей, не познавшей супружеского счастья души. Вот это жених так жених! Ради такого момента можно было претерпеть все те неудобства, которые испытывала Анна в Курляндии. Петр Бестужев активно способствовал выдвижению Морица Саксонского на курляндский престол, и немецкие бароны с удовольствием избрали на сейме его своим герцогом. Однако затея Екатерины I провалилась самым неожиданным образом – оказывается, предложение Анне выйти замуж за Морица Саксонского она сделала без согласия Александра Меншикова, который сам хотел занять курляндский престол! Граф Саксонский был с позором выгнан из Митавы (позже он стал видным военачальником, маршалом Франции и военным теоретиком). За ним же последовал и Петр Бестужев. Меншиков обвинил Петра Бестужева в интригах против своей особы, и, как следствие, он предстал перед Верховным тайным советом. Однако следствие и суд доказали, что в этом деле он во всем следовал полученным из Петербурга инструкциям. Анне Ивановне с трудом удалось уговорить Меншикова не преследовать своего бывшего любовника.

Опять неудача постигла Анну – ни тебе мужа, ни тебе друга сердечного. Но на горизонте уже проявился другой претендент на сердце несчастной Анны – Эрнст Бирон.

Прежде чем приступить к рассказу об этом персонаже, вкратце проследим дальнейший жизненный путь первого любовника Анны Петра Бестужева – все-таки он сыграл не последнюю роль в ее судьбе. В 1728 году он был все же арестован, но не за то, что хотел привести Морица на курляндский трон, а за... распутный образ жизни, корыстолюбие и казнокрадство из казны герцогини! Оказывается, Петр Бестужев, будучи любовником Анны, пользовался не только ее пышными телесами, но и ее казной! Вот так прохвост! На этот раз Анна Ивановна не стала защищать Петра и выдвинула против него обвинение, выразившееся в письме к императору Петру II: «Бестужев-Рюмин расхитил управляемое им имение и ввел меня в долги неоплатные». Однако и на сей раз Петр Бестужев отделался легким испугом, так как за него ходатайствовали два его сына, состоявшие министрами при польском и датском дворах. Придя к власти, Анна Ивановна не пожелала видеть своего бывшего «конфидента» в Петербурге и назначила его нижегородским губернатором. Разобиженный таким назначением, Петр Бестужев громко высказал свое недовольство, которое сразу же было доведено до ушей императрицы. Не успел он доехать до Нижнего Новгорода, как последовал указ Анны о его ссылке в собственное имение. Ссылка продолжалась до 1737 года, пока «за верную службу сыновей» ему не разрешили жить в Москве. Все изменилось лишь после того, как императрицей стала Елизавета. В день своей коронации (25 апреля 1742 года) она возвела Петра Бестужева-Рюмина в графское достоинство. Вскоре после этого акта, в 1743 году, он и умер в возрасте 79 лет, пережив Анну Ивановну на два года. Вот какие бывают хитросплетения судьбы!

А теперь вернемся к главному персонажу нашего повествования – Эрнсту Бирону. Это была колоритнейшая личность! История его появления на свет темна и загадочна. По одной версии, он был сыном отставного корнета польской армии, небогатого дворянина Карла Бюрена (Бирена) и незнатной дворянки фон дер Рааб. По другой версии, Эрнст был внебрачным сыном этого самого корнета и некой латышки, служившей прислугой у его жены Катарины-Ядвиги фон дер Рааб. Родился он в 1690 году в Курляндии (а Курляндия, напомним, была одно время под польским протекторатом). Ходили слухи, что в молодости отец Бирона был конюхом. Некоторые историки считают, что отец Эрнста был лесничим. По третьей версии, конюхом был один из предков Бирена, который являлся другом герцога и в одном из сражений даже спас ему

жизнь. Какая из этих версий верна, уже не разобрать, несомненно одно – какое-то отношение к лошадям Бирен все же имел.

Там же, в Курляндии, Бюренам принадлежало небольшое имение Кальпцей. С 1698 по 1702 год Эрнст-Иоганн учился в городской школе города Митава, а затем поступил в Кенигсбергский университет. За время учебы в этом высшем учебном заведении (1707–1710) он был дважды арестован – за воровство и неуплату штрафов. Во время какой-то попойки с друзьями он ввязался в драку, во время которой погиб ночной сторож. Убийство сторожа отцу Бирона обошлось в 700 талеров залога за сына. В общем, Эрнст вел разгульную, веселую жизнь обычного западноевропейского студента, с ночными попойками, штрафами за нарушение тишины, пропусками лекций и прочими безобразиями, творимыми по молодости. Но убийство человека не прощалось, и Бирон (тогда еще Бирен) был изгнан из университета.

Мы не знаем, чем занимался Бирон в последующие годы. Говорили, что он недолго занимался в Митаве педагогикой, а в Риге служил по распивочной части, но эти сведения туманны и вряд ли верны. Тем не менее в жизни надо было как-нибудь пробиваться. А выбиться в люди тогда можно было только в России – все хлебные места в Европе были уже давно заняты. И вот Бирен отправился в Петербург «на ловлю счастья и чинов», как говорил поэт. В 1714 году он прибыл в российскую столицу и попытался получить место не где-нибудь, а при дворе принцессы Шарлотты, жены царевича Алексея. Недурное начало! Он не пошел служить в армию или, скажем, на флот, не захотел стать чиновником какого-нибудь ведомства, а метил сразу в царедворцы! Хитер юноша был, ой как хитер! Но эта авантюра ему не удалась: Эрнст получил отказ из-за своего незнатного происхождения и вернулся в Митаву.

Тогда неутомимый и тщеславный Бирен зашел с другого конца – ведь на курляндском престоле сидела русская герцогиня Анна Ивановна, почему бы ему не попробовать войти в ее свиту? И эта затея вполне удалась. Он обратился за протекцией к курляндскому канцлеру Кейзерлингу, тот – к Бестужеву и, таким образом, был принят ко двору герцогини Анны. Первая встреча Бирена и Анны состоялась в 1718 году, когда он, воспользовавшись болезнью Бестужева (ох и хитрец!), принес ей бумаги на подпись. Она поговорила с этим обходительным молодым человеком (он умел производить приятное впечатление на окружающих), признала в нем знатока лошадей и присвоила ему должность камер-юнкера. Вскоре она велела приходить к ней ежедневно. Эрнст Бирен решил добиться такого же расположения у Анны, как и Петр Бестужев, – стать ее фаворитом. И это ему удалось – вскоре он был назначен ее личным секретарем и камергером.

Некоторые историки полагают, что именно с 1718 года Бирен стал ее любовником, однако нам кажется, что это не так. В 1718 году она еще любила Бестужева, а Бирен, желая добиться расположения герцогини, завел интриги против Бестужева. Отблагодарил, так сказать, за протекцию. Действовал он подлю, оклеветал соперника, но цель стояла того – занять место в теплой постели Анны, которое раньше занимал Петр Бестужев. Однако эта интрига не удалась – мощный клан Бестужевых (у Петра было еще и два сына, Михаил и Алексей) дал отпор, и незадачливый интриган вынужден был сам удалиться из Митавы. Второе пришествие Эрнста пришлось только на 1726 год, когда за него ходатайствовал перед Анной все тот же канцлер Кейзерлинг. Только с этого момента он стал ближайшим помощником Анны Ивановны и ее доверенным лицом. И любовником уж точно.

Петр I умер в 1725 году, и с тех пор герцогиню Анну держать в ежовых рукавицах стало некому. Бирен сопровождал Анну Ивановну на церемонию коронации Екатерины I в Москву, но когда он прибыл в Петербург в составе курляндской делегации, чтобы поздравить Екатерину I с восшествием на престол, все тот же канцлер Кейзерлинг и барон Фитингоф посчитали это личным оскорблением и потребовали, чтобы императрица его не принимала. Видно, и своему благодетелю он успел чем-то насолить. Позже Екатерина дала поручение Бирену съездить во Вроцлав для закупки лошадей. Знал Бирен толк в лошадях, знал!

Только около 1727 года Бирен стал официальным фаворитом Анны Ивановны, добившись удаления Петра Бестужева. И с нею он уже не расставался до конца ее жизни.

Однако пойдем дальше. Как известно, Екатерина I завещала трон Российской империи малолетнему Петру, сыну несчастного царевича Алексея. Он царствовал с 1727 по 1730 год под именем Петра II. Когда 14-летний император в 1730 году умер от оспы, не оставив завещания, стал вопрос – кому же передать трон?

Как мы уже писали выше, Петр I повелел каждому следующему за ним императору самому назначать себе наследников престола. Однако он никого так и назначил. То, как была приведена к власти Екатерина I, было чистым произволом Меншикова. А вот Екатерина I озабочилась и написала завещание следующего толка: «Ежели великий князь без наследников преставится (то есть Петр II), то имеет по нем цесаревна Анна с своими десцендентами (потомками), по ней цесаревна Елизавета и десценденты, а потом великая княжна (Наталья Алексеевна – дочь замученного сына Петра I Алексея) и ее десценденты, однако ж мужеска пола наследники пред женским предпочтены быть имеют. Однако ж российским престолом владеть не может, который не греческого закона или кто уже другую корону имеет».

Однако на тот момент цесаревна Анна, то есть дочь Петра I и Екатерины I, выданная за герцога голштинского Фридриха Вильгельма, уже два года как умерла, успев родить сына Карла Ульриха (будущего Петра III). Великая княжна, то бишь Наталья Алексеевна, скончалась без «десцендентов» в 14 лет в 1728 году. Это обстоятельство запутывало ситуацию донельзя. С одной стороны, в живых оставалась одна Елизавета, с другой стороны, было ясно сказано – потомки мужского рода имеют преимущество перед женской линией. А это вроде бы свидетельствовало в пользу двухлетнего Карла Ульриха. Но он был, как назло, лютеранином, а не «греческого закона»! Путаница получилась необыкновенная.

Собрался Верховный тайный совет, учрежденный еще Екатериной I. Раньше этот совет, состоявший из восьми человек, возглавлял Александр Меншиков, но в данный момент его сместили и отправили в ссылку, так что вперед выдвинулись другие лица – князь Долгорукий и князь Дмитрий Голицын. Во время экстренного заседания совета завязалась борьба за власть. Дело было в том, что Петр II умер буквально за день до своей свадьбы с княжной Долгорукой, поэтому ее родственники решились на подлог. Они составили от имени Петра II завещание в пользу княжны Долгорукой и подделали его подпись. На этом заседании обман сразу же открылся, поэтому ее кандидатура больше не обсуждалась. Начались поиски вариантов. «Верховники», как потом прозвали членов Верховного тайного совета, а по-современному – олигархи, были едины в одном – не допустить к власти наследников Петра I и Екатерины I. Таким кандидатом по мужской линии, как мы уже говорили, мог быть двухлетний внук Петра Великого Петр-Ульрих, сын умершей в 1728 году принцессы Анны. Кандидатурой же по женской линии могла быть вторая дочь Петра I Елизавета, но «верховников» не устраивал ее легкомысленный образ жизни. В случае избрания на трон маленького Петра-Ульриха следовало опасаться вмешательства в русские дела его отца, Карла-Фридриха Гольштейн-Готторпского. Никому это было не нужно. Кроме этих двух наследников, существовали еще четыре особы Дома Романовых: первая жена Петра I Евдокия Лопухина и три дочери умершего царя Ивана V – Анна, Екатерина и Прасковья. Но Евдокия Лопухина была монашкой, поэтому выбор пал на среднюю дочь царя Ивана V Анну. Все знали, как она была унижена и обездолена в Курляндии. Ох и любят же у нас на Руси обиженных!

Ее кандидатуру выдвинул князь Дмитрий Голицын, и все с ним согласились. Но согласились не просто так – «верховники» задумали ограничить власть императрицы. Во-первых, из-за того, что она была негодна к управлению державой, а во-вторых, чтобы самим порулить страной, ну и, конечно, набить карманы. Они были, как сказали бы в недавнем прошлом, хунтой. Члены Верховного тайного совета составили так называемые «кондиции», то есть условия, на которых Анна должна была занять опустевший русский трон. «Верховники» были на сто

процентов уверены, что из желания править Анна подпишет эти «кондиции». И вот делегация, состоявшая из «верховников», сенаторов и генералов, выехала в Митаву и поднесла эти самые «кондиции» Анне на подпись. Условия были таковы: забота о сохранении и распространении православной веры, не выходить замуж, не назначать себе наследника без согласия членов Верховного тайного совета, не объявлять войны или мира, сохранить в неприкосновенности этот самый тайный совет, не облагать подданных новыми налогами, не присваивать воинских званий выше полковника и так далее. В общем, права Анны, как самодержицы Всероссийской, согласно этим «кондициям» были существенно ограничены. С тех пор в русском языке сохранилось выражение – «дойти до кондиции», то есть согласиться на крайне невыгодное предложение. Причем под давлением. А главное условие было таким – ни в коем случае не привозить Бирена с собой в Россию! Видно, он уже стал хорошо известен в Петербурге своей сомнительной деятельностью.

Анна Ивановна конечно же, как это и предполагали «верховники», подписала «кондиции». Это случилось 25 января 1730 года. Затем она выехала в Москву на коронацию. Однако насчет тупоумия Анны «верховники» ошибались, кроме того, были среди знати и противники ограничения самодержавия. В результате чего 28 февраля 1730 года Анна приказала подать «кондиции» и «при всем народе изволила, приняв, изодрать». С тех пор она стала править сама. Ну, не сама, конечно, а вместе с Эрнстом Биреном. Верховный тайный совет был распущен.

Так Анна Ивановна выиграла в историческую рулетку и стала русской императрицей.

А что же фаворит Бирен? Едва узнав, что Анна разорвала кондиции, он тут же кинулся в Петербург, но перед этим совершил свою очередную авантюру. Дело было в том, что Бирены, как мы уже писали выше, были неродовитыми дворянами, а ему хотелось принадлежать к аристократии. Он сделал просто – переименовал в своей фамилии одну букву и стал называться Бироном. Бироны же были древним французским аристократическим родом! Заодно он присвоил себе и их герб. Скандала из этого не вышло, так как настоящие Бироны с юмором отнеслись к этому. Арман-Шарль де Гонтан, герцог Бирон, узнав, что его имя присвоил себе какой-то лотарингский аптекарь, сказал, что очень приятно, что этот аптекарь «разделил такое пристрастие к его имени с русским вельможею». То есть он сравнил Бирона с простым аптекарем! Это было неслыханным оскорблением, однако Бирону было все нипочем!

С тех пор в России на десять лет наступило время «бионовщины», время немецкого засилья и грабежа природных ресурсов страны. По замечанию историка Ключевского, «немцы посыпались на Россию точно сор из дырявого мешка, облепили двор, обсели престол, забирались на все доходные и выгодные места в управлении». При этом процветали всеобщая подозрительность, шпионаж, доносы (чего стоило только знаменитое «Слово и дело»!) и жестокое преследование недовольных. Мы не будем вдаваться в подробности правления Анны и Бирона Россией – не наша эта задача. Скажем лишь то, что Анна поступила как какая-нибудь заурядная помещица, поручив управление Россией, как своим собственным имением, своему управляющему, для которого главной заботой была нажива, нажива и еще раз нажива. В данном случае уместна такая аналогия: получила барыня наследство, а ни малейшего желания и умения у нее вести хозяйство нет. К счастью, у нее имеется немец-любовник, который готов взять на себя бразды управляющего. При этом хорошо и давно известно – самые лучшие управляющие – это чужаки. Вот так они и правили – Анна Ивановна предавалась безделью, бесконтрольно расходуя государственные деньги, а Бирон заботился о пополнении казны. При этом и себя не забывая, любезного. О благе народном больше никто и не заикался. Принцип «после нас хоть потоп» воплощался в жизнь в полной мере.

Нет, историки были не правы, называя это жуткое десятилетие «бионовщиной». Это было время «анновщины», ведь именно ее именем освящались все те мерзости, что творились на Руси. Ведь именно она завела эти порядки, вернее, не препятствовала Бирону и его нем-

цам грабить Россию и устанавливать в ней свои правила. Так что «анновщина» будет верным названием этого периода в русской истории.

Однако закончим эти грустные сентенции и перейдем к нашим главным действующим лицам. Сразу же после коронации Анны Ивановны Эрнст Иоганн Бирон был пожалован в обер-камергеры и награжден орденами Андрея Первозванного и Александра Невского (который выдавался, между прочим, только за военные заслуги). Не прошло и полгода, как Бирон получил звание графа Священной Римской империи. Его полный титул теперь звучал так: «Его высокографское сиятельство, господин рейхсграф и в Силезии вольный чиновник господин Эрнст Иоганн фон Бирон, Ея Императорского Величества, самодержицы всероссийской обер-камергер и ордена Святого апостола Андрея кавалер». Заметим, что никаких официальных постов в России этот «кавалер», это ничтожество не занимал, зато активно вмешивался во внутреннюю и внешнюю политику страны. Да, вдобавок он еще стал и герцогом курляндским, но только в 1737 году, когда умер последний представитель этого рода. А то бы Анна ему и раньше этот титул присвоила. С нее стало бы.

Нам было интересно сравнить оба этих персонажа. Бирон был невоспитан, груб, малообразован, примитивен и жесток. Его парадные портреты показывают грубое, надменное, наглое, высокомерное и пошлое обличье. Однако можно подумать, что Анна Ивановна была утонченной натурой. О ее облике, приведенном в рассказе графини Натальи Шереметевой, мы уже писали в самом начале очерка. А вот еще один портрет с натуры, написанный испанским дипломатом герцогом де Лириа: «Императрица Анна толста, смугловата, и лицо у нее более мужское, чем женское...» И действительно, с дошедших до нашего времени портретов Анны на нас смотрит женщина, ничуть не более умная и культурная, чем Бирон. Все те же тяжеловесные, немного глуповатые черты лица, то же тупо-надменное выражение, нижняя губа оттопырена так же идиотски-высокомерно. Давно известно, что супруги со стажем начинают внешне походить друг на друга, и на портретах Бирона и Анны это прекрасно прослеживается.

Вместе с тем также известно, что нельзя судить о человеке только по его внешнему облику. Даже самый последний урод может оказаться приятнейшим, умным и образованным собеседником, знатоком прекрасного и возвышенного. Поэтому нужно судить о людях по их поступкам, и эти поступки были явно не в пользу Анны.

Бирон любил выпить и покурить, а Анна не пила вина и уж тем более не курила и совсем не жаловала пьяниц (видно, помня своего мужа-алкоголика). Императорский двор при Анне сохранял образцовую трезвость. При ее дворе выпить можно было лишь дважды в году – 28 января, в ее день рождения, и 28 апреля – в день коронации. В эти дни придворные так напились, что гвардейцы их на руках выносили из дворца.

Зато она, став императрицей, завела у себя порядки, которых насмотрелась в детстве – с бесчисленным количеством уродов и карликов, разных приживалок, негров, увечных, больных, сумасшедших и прочего сброда. Ее двор был зеркальным отражением двора матери Анны – царицы Прасковьи, с ее «гошпиталем уродов», но были и отличия. Если царица Прасковья привечала убогих и вела с ними душеспасительные беседы, то Анна над ними откровенно издевалась, и вся эта публика нужна ей была лишь для потехи.

Анна Ивановна была последней русской императрицей, которая содержала шутов – они были ее любимым развлечением. Как писали современники, «для своих шутов государыня сочиняла сама забавные костюмы... К одежде прибавлялись колпаки и гремушки». Другой свидетель так описывал двор Анны Ивановны: «Карлики и карлицы, горбуны и многочисленные калеки обоего пола, на что указывают их прозвища (Безножка, Горбушка), ютились рядом с шутами и шутихами, дураками и дурами, калмыками, черемисами, неграми. Вся эта публика держала себя весьма свободно с лицами, посещавшими двор...».

Неотесанная и грубая натура Анны диктовала и дурацкие затеи. Особенно это проявлялось в ее «забавах» с шутами. Случались и просто неприличные действия. Как-то приез-

жий итальянский шут с характерным прозвищем Педрилло вынужден был играть роль мужа... козы! Вот как небезызвестный нам И. Лажечников описывал сцену посещения Анной дома шута, где находилась коза вместе с новорожденным козленком: «Сцена была убрана разными атрибутами из козих рогов, передних и задних ног, хвостов... связанных бантами из лент. В глубине сцены на пышной постели в богатой кровати, убранной малиновым... штофным занавесом, лежала коза... Она убрана в чепец с розовыми лентами... Подле нее на богатой подушке лежала новорожденная козочка, повитая и спеленутая, как должно. Введенная в спальню родительницы, государыня подошла к постели, изволила высыпать из кошелька... несколько десятков золотых монет на зубок и потом спросила госпожу Педрилло об ее здоровье». Анна Ивановна откровенно издевалась над своими бесправными шутами! И не все они были такими уж дураками, чтобы не понимать этого. Среди шутов Анны были, например, граф Апраксин, князь Голицын и Волконский. Так что понимали, но вынуждены были терпеть всяческие унижения от жестокой императрицы. Где это видано было, чтобы в шутах держать русских аристократов – князей и целого графа?! «Анновщина», ей-богу, «анновщина»!

А еще она любила издеваться над ними: «Способ, которым государыня забавлялась сими людьми (шутами), был чрезвычайно странен. Иногда она приказывала им всем становиться к стене, кроме одного, который бил их по поджилкам и через то принуждал их упасть на землю. Часто заставляли их производить меж собою драку, и они таскали друг друга за волосы или царапались даже до крови. Государыня и весь ее двор утешались сим зрелищем, помирал со смеху». Дальше – больше. Анна Ивановна очень любила унижать людей. Ее шуты не только дрались между собой, но дружно кидались на всякого человека, с чем бы он ни входил к императрице. Был ли это царедворец, входивший к Анне с докладом, гонец из действующей армии или иностранный посол, шуты оплевывали его, ругали, обзывали разными поносными словами, пугали неожиданными кульбитами, делали «козу» в нескольких сантиметрах от глаз. Когда человек пугался, шарахался, стараясь не измазаться об шутов, игравших натуральными кашками или делавших вид, что мочатся на вошедшего, Анну Ивановну это особенно забавляло. Правда, с иноземными послами так не поступали, но на своих царедворцев шуты иногда действительно мочились, что вызывало просто судороги восторга у императрицы! Представляете себе такую картину? Уважаемый человек должен был терпеть всякие унижения от шутов и одновременно, не подавая виду, что это ему омерзительно, подобострастно лицеизреть государыню. Такого в XVIII веке не было ни при одном из дворов Европы и Азии, а в России было! Так что верно наше определение – «анновщина», несомненно, «анновщина»!

Правда, и Бирон не чуждался какашек. Он был приверженцем так называемого клозетного юмора. Как и большинство немцев, он находил очень смешным все, что связано с испражнениями и мочеиспусканием. Однако он никогда не переходил от теории к практике. Иногда он, под воздействием винных паров, рассказывал какой-нибудь анекдот: например, как мекленбургский рыбак накакал в саду у священника, а пастор не понял, что это такое, взял в руки и понюхал. При этом Бирон разражался диким хохотом. Ну юмор у него был такой своеобразный, что тут поделаешь!

Так что по уровню общей культуры любовники друг друга стоили, а в плане умственных способностей и практических знаний Бирон был даже выше Анны. Незаконченное высшее образование Бирона, в противовес отсутствию оного у Анны, все же давало о себе знать.

Эрнст Бирон был завзятым лошадиником – вероятно, страсть к этим животным передалась ему от предков. Правда, это единственное, что он сделал для блага России. В стране появились новые породы лошадей, а коневодство в целом было поставлено на соответствующий тому времени западный лад. При Бироне строились новые конные заводы, на племя завозились лучшие лошадиные породы из Дании и Германии. Даже церковному ведомству по настоянию Бирона поручили в своих хозяйствах заниматься коневодством. Для контроля за этим важным делом (а лошадь тогда заменяла собой и автомобиль, и трактор, и паровоз) в 1731 году была

создана Конюшенная канцелярия. Правда, и в этом благородном деле Бирон остался верен себе. Австрийский посланник при русском дворе барон Остен отзывался о нем так: «Когда граф Бирон говорит о лошадях, он говорит, как человек; когда же он говорит о людях или с людьми, он выражается как лошадь». Есть еще одна характеристика, данная речам Бирона современником: «Вспыльчивый по природе, он в гневе забывал свою светскость и говорил языком, оскорблявшим даже очень неизнеженный слух...»

Очень часто Бирон днями не выходил с манежа, предпочитая самые важные государственные вопросы решать там. Самый лучший способ понравиться ему – это умение разбираться в лошадях, придя на конюшню, говорить только о них, помогать Бирону в выездке и дрессировке, а еще лучше – подарить ему хорошего скакуна.

Добавим еще немного черт для характеристики Анны Ивановны. Она любила убивать. Не людей, слава Богу, а зверей и птиц. Говорили, что она любила охоту... Но охота – это спорт, и спорт тяжелый. Ее дед, царь Алексей Михайлович, например, мог проскакать с кречетом на рукавице 20 верст, чтобы добыть какого-нибудь зайца или цаплю. Ее внучатый племянник, Петр II, 14-летний мальчик-царь, мог провести целый день в скачке с борзыми собаками, а потом соскочить с лошади, чтобы самому схватить волка за уши и связать ему пасть сыромятным ремнем. То был спорт, испытание себя и своих возможностей, свежий воздух, когда уровень адреналина зашкаливает выше нормы и когда от этого получаешь удовольствие. В такой охоте акт убийства зверя занимает весьма скромное место, а особой доблестью во все времена престижным считалось взять зверя живьем.

Ничего общего с этим «охота» Анны Ивановны не имела. Ее привлекали не поиски дичи или ее преследование; ей нравилось стрелять по живой мишени. Для ее «охоты» животных сгоняли в вольеры, а потом гнали их мимо императрицы, а она палила по ним, меняя ружья, прямо из окон дворца или террасы. Все ее развлечение заключалось в том, чтобы как можно больше убить зверья. Всего только за один «охотничий» сезон 1739 года Анна Ивановна собственноручно застрелила 9 оленей, 16 диких коз, 4 кабанов, 1 волка, 374 зайца, 608 уток и 16 чаек. Какой уж тут спорт – это было просто убийство!

«Рабочий» день Анны начинался обычно так. Она вставала в 7–8 часов утра, пила кофе и затем рассматривала свои сокровища, в 9 часов принимала своих министров (нужно заметить, что у нее их было всего три) и подписывала бумаги (как правило, не читая). После этого стреляла из окон по птицам из заранее приготовленных для нее ружей или отправлялась на конюшни к Бирону. В полдень она обедала со своим фаворитом, затем шла с ним спать, а потом выслушивала сплетни, сказки и песни фрейлин и приживалок. Одевалась Анна обычно в длинные домашние светло-голубые или зеленые платья восточного покроя, повязывая при этом голову «мещанскими» красными платками. Императрица любила играть в карты, бильярд, волчок, волан и бильбоке. Любила также русскую пляску, но на балах из уважения к Бирону танцевала только немецкие танцы. Современник оставил такое свидетельство о ее времяпрепровождении: «В первые годы своего правления играла она почти каждый день в карты. Потом проводила целые полдни, не вставая со стула, слушая крики шутов и дураков. Когда сии каждодневно встречающиеся упражнения ей наскучили, то возымела она охоту стрелять, в чем приобрела такое искусство, что без ошибки попадала в цель и на лету птицу убивала. Сею охотой занималась она дольше других, так что в ее комнатах стояли всегда заряженные ружья, которыми, когда заблагорассудится, стреляла из окна в мимо пролетающих ласточек, ворон, сорок и тому подобных». Несмотря на страсть к смертоубийству, у Анны во дворце держали живых обезьян, ученых скворцов и белых павлинов.

Ближайшими наперсницами Анны Ивановны были графиня Щербатова, судомойка М. Монахина и бывшая «кухонная девушка» А. Юшкова. Да, да того самого В. Юшкова, который предположительно являлся ее отцом! При этом она выдавала Юшкову за родственницу спальника своей матери. Дыма без огня не бывает – не значит ли это, что эта «кухонная девушка»

была сводной сестрой Анны Ивановны? Интересный поворот, прямо скажем! Юшкова считалась «затейницей» и по вечерам рассказывала Анне разные истории, а еще ее обязанностью было стричь ногти (как сказали бы сейчас – делать маникюр и педикюр) самой императрице и... семье Биронов. Во как! При этом Анна могла лично раздавать тумаки и пощечины чем-то провинившимся наперсникам.

Один современник писал: «Она любила покой и почти не занималась делами, предоставляя министрам делать все, что им заблагорассудится». Историк Н. Костомаров дал ей такую оценку: «Возведенная на степень такого могущества, какого никогда для себя не ожидала, она оказалась вовсе не подготовленной ни обстоятельствами, ни воспитанием к своему великому поприщу. На престоле она представляла собой образец русской барыни старинного покроя... Ленивая, неряшливая, с неповоротливым умом, и вместе с тем надменная, чванливая, злобная... Анна Ивановна не развила в себе... привычки заниматься делом и особенно мыслить...»

Добавим к характеристике Анны Ивановны еще одну черту – она была страшно суеверной и панически боялась колдовства, сглаза и порчи. Однажды ее жертвой стала 19-летняя красавица Прасковья Юсупова. Дело было так. Отец Прасковьи верно служил Петру I и восшествие на престол Анны Ивановны в 1730 году встретил без особого энтузиазма. Он был дружен с Яковом Долгоруким (одним из «верховников», которые хотели ограничить власть императрицы). Когда Долгорукого за эту политику арестовали, то на всякий случай провели обыск и у его друга Григория Юсупова. В комнате Прасковьи чины Тайной канцелярии нашли куклу с выколотыми глазами, которая, по их мнению, была очень похожа на Анну Ивановну. Спрашивается, почему у куклы были выколоты глаза? Ответ очевиден – у кого есть дети, тот знает, что они любят все исследовать: мальчишки ломают машинки, чтобы посмотреть, как они устроены, а девочки иногда забавляются тем, что выкалывают куклам глаза, отрывают им руки и ноги. В общем, детская шалость, и ничего больше. Но почему в комнате 19-летней девицы, которой уже давно было замуж пора, нашли эту куклу? Может, она еще с детских времен где-то завалилась; черт его знает почему, но что Прасковья не колдовала, это точно. Тайная канцелярия сочла это, естественно, за колдовство, направленное против здоровья императрицы, и взяла девушку под стражу. Узнав о кукле с выколотыми глазами, Анна Ивановна пришла в ужас и приказала сжечь «колдунью» живьем. От такой жестокой расправы ее спас сам Бирон – вот «добрая душа». Ее отправили в Введенский женский монастырь, расположенный на территории Шадринского уезда, и заточили в каменный чулан, предназначенный для ведьм и колдуний. Потом Прасковью насильно постригли в монахини, дали имя Прокла, и она какое-то время жила среди «сестер». Однако не для княжны оказался монастырь. Она смело конфликтовала с ключницами, игуменьей, «сестрами во Христе» и священниками, приходившими «смирять ее гордыню». Прасковья не сдавалась – не помогло даже держание ее на хлебе и воде. Тогда ее опять посадили в чулан, однако и здесь она вела себя так же независимо, как и на свободе. Так продолжалось долгих семь лет. Когда же о непокорной инокине доложили Анне Ивановне, она повелела наказать Прасковью розгами. Девушке шел уже 26-й год, здоровье было подорвано долголетним пребыванием в сыром каменном мешке и скудной пищей. После унижительного наказания она слегла и потом умерла. Характерно, что в 1916 году ее потомок – Феликс Юсупов отомстил за это унижение Романовым, убив любимца царской семьи Григория Распутина. Но это так – лирическое отступление, хотя и кровавое.

И наконец, главное – любили ли Анна и Бирон друг друга? Несомненно! Так относиться друг к другу могут только любящие люди. Посудите сами – в течение целых 12 лет (с 1718 года; тогда ему было 28 лет, а Анне – 25) он опекал и сильно помогал овдовевшей герцогине, безденежной и нуждающейся, злой судьбой брошенной в чужую ей Курляндию. Он помогал ей советами и деньгами, собираемыми с остзейских баронов, поскольку своих средств у него не было. Немаловажным было и то, что Бирон добился влияния на этих самых баронов. Для них он был свой, и они готовы были если не слушаться его, то хотя бы слышать. А Бирон в

этом деле защищал интересы Анны. В то же время он не знал, что его любовница, бедная, несчастная герцогиня, вдруг станет сказочно богатой императрицей и отблагодарит его, осыпав золотом. Отношение Бирона к Анне проверено временем и подлинным бескорыстием друг к другу. Ведь главное в любви – это бескорыстие, когда ты за любимого человека, образно говоря, готов жизнь отдать, ничего не требуя взамен. Лишь бы любимой было хорошо! Лишь бы она не страдала, не плакала, не горевала и не печалилась. Жить для любимой женщины, отдавать всего себя в ее распоряжение – тоже немислимое счастье!

Для характеристики их отношений приведем свидетельство одного современника: «Никогда еще на свете, чаю, не бывало дружественнейшей четы, приемлющей взаимно в увеселении или скорби совершенное участие, как императрицы с герцогом Курляндским. Оба они почти никогда не могли во внешнем виде своем притворствоваться. Если герцог являлся с пасмурным лицом, то императрица в то же мгновение встревоженный вид принимала. Буде то весел, то на лице монархини явное напечатывалось удовольствие. Если кто к герцогу не угодил, то из глаз и встречи монархини тотчас мог приметить чувствительную перемену...» Это ли не подтверждение давнего утверждения о том, что давнишние супруги со временем становятся похожими друг на друга, если они живут общими заботами, радостями и печальми! Добавим к этому еще одну черту – однажды Анна Ивановна не пошла на бал из-за того, что Бирон упал с лошади и ушиб ногу. Следовательно, он танцевать не мог, не стала этого делать и Анна. Вот так!

Да, они были не любовниками, а именно супругами, так как жили в гражданском браке. Некоторые историки даже утверждают, что Анна была однолюбкой. Нет, однолюбкой она, конечно, не была, так как в ее жизни был и Петр Бестужев и Мориц Саксонский, но то, что она без ума любила Эрнста Бирона, – это точно. И осталась верна ему до конца своих дней. Точно так же и Бирон – это он был однолюбом; он не заводил себе связей на стороне, не прелюбодействовал с фрейлинами и так же был верен Анне, как и она ему. Бирон был близким ей по духу человеком и лидером в их романе, каким и должен быть настоящий мужчина.

Как известно, чувство любви присуще всем – и уродам, и нищим, и богачам, и вельможам, и дикарям; прекрасным и достойным людям и совсем недостойным, жестоким и малообразованным. Так есть сейчас, так было еще и в допотопные времена. Бирон и Анна были жестокими и недостойными людьми, но их извиняет одно – у них была настоящая любовь! А этим многое прощается, если не все! С точки зрения бога любви Амура, конечно.

А как же «плоды любви» – дети, спросите вы? Не может такого быть, чтобы у Анны с Бироном, здоровых в половом отношении людей, не было детей! Да еще при тогдашних способах предохранения! Дети были, конечно, но о них ходили лишь слухи. И слухи эти исходили от недоброжелателей Бирона с Анной, от людей, пострадавших от них. Естественно, что им хотелось представить Анну, ко всем ее прочим грехам, как чудовище. Причем эти слухи появлялись задним, так сказать, числом, уже после смерти Анны и удаления Бирона от двора. Но это и естественно, потому что за «оскорбление» государыни тогда полагалось жестокое наказание, а потому и разговаривать вслух ближние дворяне тоже не могли.

Говорили, что она приканчивала своих неродившихся детей (которых было множество) самым варварским способом – травила их в своей утробе какими-то зельями и отварами, извлекала трупчики из своего живота вязальными спицами (иногда по частям) и так далее. Кому в это хотелось поверить – тот верил.

Гораздо правдивее были замечания иностранных современников. Они слышали, что Анна отдавала своих детей от Бирона (или, может быть, и от Петра Бестужева) на воспитание в семьи надежных людей, простолюдинов. В какие, спросите вы? А вот это неизвестно, это была тайна, покрытая мраком.

Существовали также предположения, что дети Бирона – Петр и Карл, на самом деле были детьми Анны Ивановны, во время беременности которой жена Бирона Бенigna подвизывала

себе подушки под живот. Да, Эрнст Бирон женился, и опять же, по слухам, это было сделано по настоянию самой Анны, чтобы не компрометировать себя связью с Бироном, так сказать, для отвода глаз. В 1723 году она выдала свою фрейлину Бенигну-Готтлиб фон Тротте-Трейден замуж за Бирона. Современники сообщают, что Бенигна была неумна, безобразна и имела огромный рост. Тем не менее она была склонна к роскоши: только одно ее платье стоило 500 тысяч рублей; в нем она любила сидеть на особом трonoобразном кресле и требовала целовать себе руки (при этом обижалась, если ей целовали одну руку, а не две). Лучшего объекта для прикрытия и найти было трудно! У Бирона и Бенигны было трое детей – сыновья Карл и Петр и дочь Хедвига-Елизавета. Тот же источник сообщает, что по крайней мере один из сыновей Бирона, а именно Карл, был от Анны Ивановны. Он родился в 1728 году и всегда спал в комнате Анны, которая никогда не расставалась с ним, и даже взяла его с собой на коронацию в Москву в 1730 году. Уже при рождении он был записан в Преображенский полк, а в 1736 году пожалован в камергеры и награжден орденом Андрея Первозванного (хотя это была исключительно привилегия для детей Дома Романовых). Умер Карл в 1801 году, ничем не проявив себя ни на военной, ни на гражданской службе. Вспоминали также, что дети Бирона любили поливать гостей чернилами и срывать парики с их голов (здесь, несомненно, чувствуется выучка Анны, любившей унижать людей). Забота о Карле у Анны Ивановны была чрезмерной. Однажды он объелся земляникой и у него разболелся живот. Нашли крайнего – гувернера Шварца (не уследил, мол), и императрица заставила его мести улицы. К счастью, гувернера пожалел сам Бирон – он дал ему тысячу рублей и отправил за границу. Так что слухи о детях Бирона и Анны, судя по всему, верны. Были у них детки, несомненно, были! Ну и слава Богу!

А теперь обратимся к последним дням царствования императрицы Анны Ивановны. В сентябре 1730 года у нее появились признаки подагры, но их приняли за женскую болезнь. Потом началось кровохарканье и боли в пояснице – врачи связали это с нарывом в почках. 5 октября по возвращении из Петергофа она почувствовала себя плохо и с того дня слегла. Однако однажды она встала с постели – и этому послужило чрезвычайное обстоятельство. Это событие хорошо задокументировано в русской истории, и не верить ему нет причин.

Дело было так. Ночь. Анна Ивановна лежит больна. Во дворце тишина. Караул стоит в комнате возле тронного зала. Пробило полночь. Внезапно в тронном зале появилась Анна Ивановна, одетая в белые одежды. Она стала ходить по залу взад и вперед, задумчиво склонив голову. Недоумение часовых сменилось страхом, а страх – тревогой. Начальник караула отправил вестового за Бироном. Разбуженный среди ночи фаворит примчался злой как черт, ругаясь сразу на трех языках. Он заглянул в зал и сразу же почему-то понял, что это не Анна. Он посчитал это каким-то обманом или заговором. Поспешно разбудили саму императрицу. Бирон уговорил ее «выйти, чтобы на глазах караула разоблачить какую-то самозванку, какую-то женщину, пользующуюся сходством с ней, дабы морочить людей, вероятно, с дурными намерениями». Когда Анна Ивановна пришла, все увидели в тронном зале «две Анны Ивановны, из которых настоящую, живую, можно было отличить от другой только по наряду». Надо отдать должное храбрости Анны (другая бы на ее месте в обморок свалилась) – она смело направилась к своему двойнику и спросила: «Кто ты, зачем пришла?» Не отвечая ни слова, призрак стал пятиться к трону. Тут Бирон взревел: «Это дерзкая обманщица! Вот императрица! Она приказывает вам, стреляйте в эту женщину!» Хотя Анна Ивановна ничего такого и не приказывала, солдаты стали поднимать ружья. Неизвестно, чем бы все это закончилось, но тут призрак внезапно исчез... Тогда Анна Ивановна вышла из зала и, обращаясь к Бирону, тихо сказала: «Это смерть моя». После этого она поклонилась солдатам и удалилась в свои покои.

Императрица сильно болела и выздороветь уже не надеялась, а потому появлению призрака нисколько не испугалась и не удивилась. Она действительно умерла через несколько дней, 17 октября 1740 года, в возрасте 47 лет, совсем еще молодой женщиной. Перед своей смертью она написала завещание, согласно которому трон переходил к ее внучатому племян-

нику – 2-месячному Ивану Антоновичу, бабкой которого была ее сестра, царица Екатерина. Регентом до совершеннолетия младенца Анна назначила Эрнста Бирона. Уже лежа на смертном одре, она подзвала Бирона к себе и вымолвила: «Жаль мне тебя, Бирон, без меня тебе не будет счастья», а потом ободрила его: «Не бойсь!» Бирон, не переставая плакать, до последней минуты стоял на коленях у постели умиравшей супруги.

Так закончился роман этих двух неоднозначных личностей, Бирона и Анны, которых объединяла большая и светлая ЛЮБОВЬ.

Чем же закончилась история с Бироном? Анна Ивановна оказалась права – счастья у него без нее больше не было. Не прошло и трех недель, как он был отстранен от регентства и заключен в Шлиссельбургскую крепость.

Нетрадиционные отношения Правительница Анна Леопольдовна

Анна и Юлиана легли в постель в одних ночных рубашках и тесно прижались друг к другу. Скоро они начали горячо целоваться, потом скинули с себя ненужные одежды и принялись ласкаться, дотрагиваясь губами до самых интимных мест, до самых потаенных закоулков женского тела...

Речь идет об Анне Леопольдовне, правительнице России в 1740–1741 годах, и ее ближайшей подруге по лесбийским развлечениям Юлиане фон Менгден. Каким же образом оказалась у власти особа со столь необычным для русского уха отчеством, и какой она оставила за собой след, кроме «нетрадиционных отношений» с Юлией?

Один современный популяризатор русской истории однажды заметил, что: «Правительница Анна Леопольдовна и ее муж по своей полной незначительности, даже ничтожности, попросту не заслуживают отдельной главы (в его сочинениях. – *Автор*). О них совершенно нечего сказать – разве что упомянуть мимоходом, что означенная Анна обрела сомнительную славу первой документально отмеченной в российской истории лесбиянки...»

Ну, раз уж популяризатору нечего сказать, тогда скажем мы. Это ему о втором по счету в российской истории генералиссимусе нечего сказать? (Заметим, что за всю военную историю России у нас было всего четыре генералиссимуса – Александр Меншиков, принц Антон Брауншвейгский, Александр Суворов и Иосиф Сталин. К слову сказать, Александр Меншиков, одно время вдобавок ко всему, носил еще и звание рейхсмаршала. Мы знаем из европейской истории только двух рейхсмаршалов – Александра Меншикова и Германа Геринга.) Это о «железной маске» нечего молвить? Это о нетрадиционной сексуальной ориентации Анны ему нечего говорить? Ну и ну! Ведь правление Брауншвейгской династии в России, продолжавшееся чуть более года, прямо перенасыщено важными событиями, интригами, соперничеством, драмами и трагедиями и любовными романами, конечно. Вот с этого момента поподробнее – наверняка

попросит наш читатель. Пожалуйста! Только вначале осветим историю о том, как Анна Леопольдовна дошла до жизни такой – стала регентшей при своем малолетнем сыне-императоре.

Как мы уже писали выше, у царя Ивана V с царицей Прасковьей было пять дочерей – Мария, Феодосья, Екатерина, Анна и Прасковья (две старших умерли в младенчестве). О средней дочери, Анне, мы уже писали, а вот о более старшей, Екатерине, – ни полслова. Младшая, Прасковья, обрела тихое семейное счастье с генералом Мамоновым, а судьба старшей, Екатерины, была ох какой незавидной.

Она вышла замуж позже своей сестры Анны, в 1716 году, за герцога Мекленбургского Карла-Леопольда. Таким образом, Петр I путем династических браков решил упрочить свое влияние в северогерманских княжествах. О согласии Екатерины на этот брак, разумеется, никто не спрашивал. А герцогу, пожалуй, было все равно, так как до того он был уже однажды женат. О, герцог Карл-Леопольд был крайне неординарной личностью – мерзавцем, каких еще поискать надо!

Почему Петр I выбрал в жены своей племяннице столь неуравновешенного типа? Дело в том, что Россия тогда воевала со Швецией, и Мекленбург-Шверинское герцогство – тоже. У этого герцогства шведы когда-то отобрали город Висмар, и Карл-Леопольд хотел вернуть его при помощи русского царя, а Петру I нужна была база для своих военных кораблей в этом регионе. Таким путем обе стороны пришли к взаимному согласию: тут любовью и не пахло – чистая военная политика. Сначала герцог Карл-Леопольд попросил себе в жены Анну, которая неожиданно овдовела, но Петр предложил ему Екатерину, что герцогу было в общем-то по барабану. Свадьба состоялась в апреле 1716 года в Данциге (ныне Гданьске) в присутствии самого Петра I и польского короля Августа II.

Герцог Карл-Леопольд Мекленбург-Шверинский родился в 1677 году, то есть был старше невесты на четырнадцать лет (Екатерина родилась в 1691 году). Он был уже женат на принцессе Софии – Хедвиге Нассау-Фрисландской. Детей у них не было, и из-за несносного характера герцога его супруга затеяла бракоразводный процесс. Интересно, что деньги на развод дал ему Петр I – видно, уж очень важно было для него это крошечное северогерманское герцогство. По отзывам современников, герцог был грубым, невоспитанным, своевольным и склочным правителем, с непредсказуемым характером. Карл-Леопольд чувствовал себя неуютно, если ему не представлялось повода для ссоры или скандала. Он удивительным образом умел наживать себе врагов. Однажды он, поссорившись с младшим братом, поджег его замок, отчего выгорела большая часть города Грабова. Даже перед свадьбой он сильно повздорил с Петром I по пустячному поводу: следует ли в бою врага рубить или колоть? Дело дошло до крика, причем орали оба правителя. Ко всем его прочим недостаткам, герцог был скуп до неприличия и никогда не отдавал долгов. Его любимым выражением была поговорка: «Старые долги не надо платить, а новым нужно дать время состариться».

Он перессорился со всем мекленбургским дворянством, желая отобрать у него льготы и привилегии, за что те его возненавидели. Да так возненавидели, что Карл-Леопольд был вынужден бежать за границу и стал собирать там войско, чтобы расправиться со своими подданными. Он так достал своими выходками императора «Священной Римской империи» Карла IV, что тот вынужден был двинуть против него целый карательный корпус. Армия герцога была разгромлена. Герцогством стала править особая комиссия, созданная из обиженных Карлом-Леопольдом дворян. Для жительства ему оставили город Шверин и крепость Демниц.

Вот в этой-то обстановке у Карла-Леопольда и Екатерины в 1718 году родилась дочь, названная Елизаветой-Екатериной-Христиной. Ее папашка был настоящим тираном и деспотом. Он все время изводил жену мелочными придирками, порой дело даже доходило до рукоприкладства. Поскольку Карл-Леопольд был скуп, то не предоставлял своей жене положенного ей по брачному контракту содержания. Правда, и Екатерина за словом в карман не лезла и при случае могла надавать герцогу оплеух. Так что при выяснении супружеских отношений

ссоры часто заканчивались взаимным мордобоем. Немецкие подданные Карла-Леопольда даже прозвали ее «дикой герцогиней». Постоянно нуждаясь в средствах, она обращалась с письмами-просьбами к своей матери, царице Прасковье, а та, в свою очередь, забрасывала слезными посланиями Петра I, умоляя выручить Катерину.

В 1722 году, не выдержав издевательств и жестокого обращения сумасбродного супруга, Екатерина запросилась с дочерью домой. Петр I разрешил ей приехать, а заодно предложил Карлу-Леопольду перебраться на ПМЖ в Россию. Однако герцог без герцогства отказался ехать к жене, и с тех пор они больше никогда не виделись, хотя формально в разводе и не были. Он был занят очередным витком борьбы со своими настоящими и воображаемыми противниками и в итоге нашел приключение на свою голову.

Судьба Карла-Леопольда, герцога Мекленбург-Шверинского, была печальна. В 1736 году он был осужден на сейме рейха, окончательно лишен права на престол и заключен в ту самую крепость Демниц, где он и скончался в 1747 году. Все, конец фильма.

Екатерина Ивановна вместе с дочерью Елизаветой-Екатериной-Христиной поселилась в подмосковном Измайлове, во дворце своей матери, царицы Прасковьи. Бабушка души не чаяла в своей внучке и еще во время ее пребывания в Мекленбурге забрасывала ее нежными письмами. Например, такими: «Внучка, свет мой! Желаю я тебе, друг мой сердечный, всякого блага от всего моего сердца; хочетца, хочетца, хочетца тебя, друг мой внучка, мне, бабушке старенькой, видеть тебя, маленькую, и подружиться с тобою: старая с малой очень живут дружно...» Понятно стремление царицы Прасковьи увидеть и обласкать девочку – ведь это была ее единственная внучка.

Сама же Екатерина, отойдя от мекленбургских ужасов и от недоедания, быстро поправилась и занялась своим любимым делом – балами, танцами до упаду и пирами. Она была не слишком красивой, но на редкость общительной, жизнерадостной и веселой женщиной. Характер у слегка полноватой Екатерины был бойкий и резвый. Больше всего на свете она любила удачную шутку, веселый розыгрыш и заразительный смех. Не в меру болтливая, она так и сыпала словами, нисколько не задумываясь об их смысле. Все, что было у нее на языке, немедленно выплескивалось наружу. Она без умолку болтала с дамами и кокетничала с кавалерами. (Вот что интересно – а на каком языке они с герцогом ссорились? Поскольку Екатерина не знала немецкого языка (ее учили ему, но так и не выучили), а Карл-Леопольд – русского, то наверняка применялся международный язык, когда неуравновешенный муж выясняет отношения со своей не в меру болтливой женой, – язык обоюдных тумачей и затрещин). Умерла Екатерина Ивановна в 1733 году совсем молодой, в возрасте 42 лет, от водянки.

Ну и хватит о грустном, хотя дальнейшая история и так невеселая. Когда в 1722 году Екатерина с дочкой приехали в Измайлово, бабушка была уже старенькой и передвигалась только в кресле на колесиках. Голштинский герцог Карл-Фридрих, однажды посетив подмосковный дворец царицы Прасковьи, увидел у нее на коленях «очень веселенького ребенка лет четырех». Это и была героиня нашего очерка, Елизавета-Екатерина-Христина, а в православии Анна Леопольдовна.

Однако, как бы бабушка ни любила свою ненаглядную внучку, все же бабушки бывают разными. Все зависит от среды, в которой они живут. А среда эта пошла не на пользу внучке. Дворец царицы Прасковьи, с его «гошпителем уродов, ханжей и пустосвятов», по удачному выражению Петра I, был настоящим рассадником самых низменных чувств и инстинктов. Мы уже писали, что не все «дураки» были дураками и не все «шуты» были шутами, среди них попадались даже князья! Дворец царицы Прасковьи представлял собой загаженный гадюшник с вечно невымытыми полами и хламом по углам. Мы уже сообщали о той обстановке, которая царила во дворце Прасковьи, а вот еще один штрих историка В. Ключевского: «В многочисленных маленьких горницах дворца царили беспорядок, грязь, духота и вечное ничегонеделание. Царицу окружала целая толпа богомолков и богомольцев, нищих, гадалыщиц, калек, карли-

ков, шутов и скоморохов. Эти приживальщики, в грязных изодранных рубашках, или гнусаво тянули жалобные песни, или же кривлялись, плясали, забавляя невзыскательную на удовольствия измайловскую обитательницу и ее дочек. Особенным расположением здесь пользовались разные предсказатели и юродивые». Вот эта-то нездоровая среда самым роковым образом и повлияла на воспитание и характер будущей правительницы России Анны Леопольдовны.

«Это было низкое, насквозь лживое, страшно развратное, неряшливое и убогое в умственном отношении существо», – как выразился один нынешний писатель. Однако лучше доверять современникам Анны Леопольдовны. Князь П. Долгорукий отзывался о ней так: «Это была светлая блондинка, с лицом маловыразительным, хорошо сложенная и довольно грациозная. Питала отвращение ко всему серьезному занятию и всегда имела усталый, скучающий вид; несмотря на свою флегматичность, она была очень чувственная, очень не любила стеснять себя и большую часть дня проводила полуодетая, без дел, беспорядочно мечтая». Насчет чувственности – это да, и мы к этому еще вернемся.

Однако лучше всего посмотреть на сохранившиеся портреты Анны Леопольдовны. С них на нас смотрит приятная, хорошо сложенная молодая женщина, но с каким-то трагическим выражением на лице, с опущенными вниз уголками рта. У нее было вытянутое, с правильными чертами лицо, черные волосы и черные глаза и прекрасная фигура. В общем, Анна производила впечатление на окружающих. В то же время, как мы знаем из воспоминаний современников, она за своей прической и одеждой не следила и никому понравиться не старалась, а уж кокетство у нее отсутствовало начисто. Вот так внешняя среда повлияла на образ жизни и занятия бабушкиной внучки.

Ее жизнь так бы и прошла, не оставив в истории никакого следа, если бы в 1730 году императрицей не стала ее родная тетка Анна Ивановна. Она приблизила к себе сестру Екатерину с племянницей и полюбила девочку от всей души. В 1733 году ее перекрестили в православие (до того она была лютеранкой по отцу) под именем Анны. Она получила имя тетки, а вот с отчеством никак не вытанцовывалось – то ли ее величать Карловной, то ли Леопольдовной, поскольку у папашки было двойное имя. Сошлись на Леопольдовне. Некоторые иностранные дипломаты даже полагали, что Анна Ивановна удочерила девочку (ее мать умерла в том же году) и готовила ее себе в преемницы. Для чего это было нужно императрице Анне? А чтобы сохранить трон за своей ближней родней, внуками царя Ивана V. Потомки Петра I (дочь Елизавета и внук Карл-Петер-Ульрих) в расчет не принимались; их даже опасались приближать к престолу. Поэтому в 1731 году Анна издала указ о присяге своему преемнику, и на эту роль стали готовить юную Анечку, то есть ребенка, которого она родит.

Для повышения образования Анны императрица выписала из-за границы опытную наставницу, вдову генерала по фамилии Адеркас. Но девочка ни за что не хотела воспитываться и быстро превратилась в трудного подростка. Она была диковата, скрытна, строптива, сторонилась дворцовых развлечений, все время проводила за карточной игрой и вообще одевалась и причесывалась кое-как. Она постоянно всех дичилась, в том числе и молодых мужчин. В общем, как сказали бы сейчас, девушка была страшно закомплексована. По словам французского посланника де ла Шетарди, матери Анны, герцогине Екатерине Мекленбургской, пришлось «прибегать к строгости против своей дочери, когда та была ребенком, чтобы победить в ней дикость и заставить появляться в обществе».

Зато она любила читать романы, что считалось в то время предосудительным (она разговаривала и умела читать на нескольких языках). Еще царица Прасковья приставила к Ане крепостную девушку, чтобы учить ее русскому языку, а госпожа Адеркас обучала ее иностранным языкам. Разным православным церковным премудростям ее взялся обучать архиепископ Феофан Прокопович.

На минуту прервемся и поговорим о чтении Анны Леопольдовны. Ведь то, какие книги ты читаешь в 15-летнем возрасте, закладывается в характер человека на всю жизнь. Книги

очень много значат для воспитания неокрепших душ, да и стоит ли говорить о прописных истинах! Помните, как у В. Высоцкого сказано – важно, какие ты книги в детстве читал. А из всех иностранных книг Аня больше всего любила читать о любви, истории о страдающих, но верных своему избраннику принцессах или же страдающих принцессах, борющихся со своими угнетателями. Заметим – и то, и другое в ее жизни было – прямо как по писаному!

Позволим себе еще одно замечание – Анна Леопольдовна была единственной из всех потомков царя Ивана V, которая овладела иностранными языками и любила читать.

Свататься к Анечке стали рано (еще бы, за ней в приданое отдавали целую Россию!), когда ей было всего 11 лет. Первым соискателем на ее руку и сердце стал брат короля Португалии инфант Эммануил. Однако этот заморский принц был неразборчив в связях – ему было все равно, на ком жениться, лишь бы кусок послаще был – на юной Анне, на дочери Петра I Елизавете и даже... на самой императрице Анне Ивановне! Анна Ивановна всплакнула о своем, о бабьем, и выставила любвеобильного Эммануила вон. Сама же она хотела, чтобы Аня вышла замуж за маркграфа Карла Бранденбургского, племянника прусского короля. Однако венский двор решил иначе. При чем здесь Вена, спросите вы? А при том: в те времена в Европе существовало некое объединение, наподобие сегодняшней объединенной Европы, и называлось оно «Священная Римская империя» германской нации, в которую в основном входили германские земли. То есть все мелкие раздробленные немецкие княжества (которых в разное время было то ли 200, то ли 300) должны были подчиняться одному центру и одному императору (другое дело, что они не всегда его слушали). А Вена как раз была тем центром, и австрийский император был как раз тем лицом, который творил германскую политику.

Жениха для 14-летней Анны в Европу поехал искать генерал-адъютант Карл Левенвольде, «дабы там осмотреться, но никому обещаний не давать». И нашел! Генералу, по свидетельству очевидцев, «австрийский двор щедро заплатил», и он остановил свой выбор на перспективном юном принце Антоне Ульрихе Брауншвейг-Беверн-Люнебургском. Эта фамилия была уже известна в России – родная тетка Антона, Шарлотта, была женой несчастного царевича Алексея и матерью императора Петра II. Другая его тетка, Елизавета, была супругой императора той самой «Священной империи» Карла VI, а две его сестры стали королевами: одна женой прусского короля Фридриха II Великого, а вторая – датского Фредерика V. Английский король Георг I был дядей Антона. Так что жених и вправду был перспективным, ведь через него можно было породниться со многими царствующими дворами Европы, что в те времена было немаловажным обстоятельством. Родственные связи в политике тогда играли немаловажную роль.

Восемнадцатилетний Антон приехал в Россию в 1733 году, официально – на военную службу, а на самом деле как потенциальный жених. В переписке высоких особ его сватовство именовалось «главным делом».

Щуплый, белокурый и крайне застенчивый юноша, который к тому же еще и заикался, сразу не понравился ни императрице Анне Ивановне, ни будущей невесте. Однако отступать было уже неприлично, и принца решили испытать на военном поприще. Ему дали в подчинение 3-й Кирасирский полк, в котором Антон стал полковником; позже этот полк переименовали в Брауншвейгский.

Однако сватовство Антона затянулось на целых семь лет! В России его стали воспитывать вместе с Анной в надежде, что между молодыми людьми завяжется любовь. Принц усердно изучал русский язык, другие науки, военное дело и посещал конный манеж. Он наносил необходимые визиты и участвовал в военных парадах, балах и дворцовых приемах. Однако при всем при этом он не забывал и о «главном деле» – добиваться благосклонности Анюты. Вероятно, он был влюблен в нее «по собственному желанию». А может, этот несчастный парень действительно ее любил? По крайней мере, в своих письмах к родным он отзывался о ней в самых превосходных выражениях. Но, увы, на любовном фронте он успеха не добился: ска-

залась его наивность и неопытность в этих делах. Вместо того чтобы обольщать юную девственницу, он заводил разговор о скучных материях, о фортификации, например. Кстати у Антона была отличная библиотека, одна из лучших в России, правда в ней нашлось место всего трем художественным книгам – двум вычурным романам, принадлежащим перу его деда, и... «Робинзону Крузо». Остальные же книги были посвящены точным и военным наукам.

Но все было напрасно! Во-первых, против такого брачного союза отчаянно интриговали послы Англии и Франции, а во-вторых, дело было в Анечке. Она обвиняла его в слабодушии, отсутствии характера, трусости и других неприятных качествах. И действительно, с портрета Антона Ульриха на нас смотрит красивый мальчик с белокурыми локонами, с невыразительным лицом. Однако позже оказалось, что Анна ошибалась, и Антон проявил незаурядную силу воли и исключительные нравственные качества. Анна дала ему неверную оценку, и вообще она плохо разбиралась в людях; ее больше всего интересовало отвлеченное, книжное. А книжные девочки хотят более сложных отношений, чем муж – жена. Но при этом они и сами не знают, что хотят от жизни. Отсюда – и метания, психологические проблемы, бесконечные сложности, выдуманные герои. Была и еще одна важная проблема – Анна, судя по всему, больше интересовалась дамами, чем мужчинами, но об этом потом.

Все видели, что ее отношение к Антону колеблется между холодностью и неприязнью. И тому было свое объяснение – почти одновременно с Антоном в Россию приехал чрезвычайный посланник польский и саксонский (король Польши в то время являлся и герцогом Саксонским) тридцатилетний граф Карл-Мориц Линар. Он быстро добился взаимности Анечки, завоевал ее сердце, и у них вспыхнул роман. Нюра влюбилась в Линара с первого взгляда. Антон по сравнению с ним выглядел жалким замухрышкой. Красавец-мужчина быстро очаровал невинную семнадцатилетнюю простушку и уложил ее в постель. Их связь открылась в 1735 году. Разразился невероятный скандал, тем более что роман Линара и Анюты разворачивался на глазах жениха. Однако тот по своей скромности и мягкотелости молчал. Анна Ивановна была взбешена и отлично сознавала, на какое посмешище выставила ее любимая племянница. Она заперла Анну в своих покоях и выслала из страны ее наставницу Адеркас (как оказалось, она была воспитательницей и в амурных делах тоже). Камер-юнкера Брылкина, передававшего интимные записки влюбленной парочки, императрица сослала в Казань. Самого же Морица Линара по просьбе русского правительства отозвали обратно в Польшу. Над Анюткой тетка установила жесточайший надзор – буквально все ее передвижения контролировались и все разговоры докладывались императрице немедленно. Теперь Анна Леопольдовна смела появляться только на официальных церемониях.

Годы разочарования судьбой и утраченной любовью наложились на замкнутый характер Анечки. Она и раньше удивляла современников своей серьезностью и сосредоточенностью. Теперь же она стала еще замкнутее и нелюдимее. Все свое свободное время она посвящала чтению французских любовных романов, над которыми порой роняла скупую слезу, горюя по своей разбитой любви. Шумных и веселых компаний она не любила, даже маленькое общество, состоявшее из четырех-пяти человек, тяготило Нюру. Такая жизнь продолжалась целых четыре года.

С возрастом облик Анны Леопольдовны несколько изменился, вернее изменились описания ее внешности, в зависимости от симпатий или антипатий к ней. Так, один из современников писал о ней: «Это была толстая немка, довольно ограниченная, чувственная и апатичная, но не злая...» Это он, конечно, загнул. Судя по дошедшим до нас портретам Анны Леопольдовны, она толстой не была. Важно другое: опять в описании натуры Анны присутствует чувственность, и это не случайно. А вот какой портрет ей дает историк Н. Костомаров: «Принцесса не обладала ослепительной красотой, но была миловидная блондинка, добродушная и кроткая, вместе – сонливая и ленивая; она не любила никакого дела и проводила праздные часы со своей

любимой фрейлиной Юлианой фон Менгден, к которой питала чувства редкой дружбы». Оказывается, не только пылкий саксонец Линар занимал воображение Анны, но и Юлиана.

Вот здесь-то мы и подошли к главному – кто же это была такая Юлиана Менгден и чем она заслужила столь «редкую дружбу» Анюты? Если учесть еще и то обстоятельство, что у нее вообще друзей не было...

Как Юлиана вообще оказалась при русском дворе? С воцарением Анны Ивановны она привела с собой в Россию массу немцев во главе с Бироном (мы об этом уже писали). Как писал в своих мемуарах Христофор Манштейн (предок того самого Манштейна, который пер как танк на Сталинград, сто болячек ему в печенку!), «в царствование императрицы Анны при дворе желали иметь фрейлинами лифляндок, а семейство барона Менгдена... пользовалось большим расположением герцога Курляндского (то бишь Бирона)». Ко двору пригласили сразу четырех сестер Менгден – Доротею, Юлиану, Якобину и Аврору. Старшая из них, Доротея, стала женой сына фельдмаршала Миниха, о Юлиане пойдет речь впереди, а младшая, Аврора, была потом женой личного врача императрицы Елизаветы Лестока. В этой семейке был еще и двоюродный брат Карл Людвиг; он являлся президентом Коммерц-коллегии.

Как видим, протекцию провинциальному остзейскому роду сделал Бирон, и они стали влиятельными лицами при русском дворе. Кстати, баронский титул Менгдены получили только в 1736 году, да и то стараниями Юлианы. Все тот же Христофор Манштейн дал такую нелицеприятную характеристику сестрам Мангден: «Девушки эти, мало видевшие людей, не обладали умом, необходимым для ведения дворцовых интриг, поэтому три и не вмешивались в них. Но Юлиана, любимица правительницы, захотела принимать участие в делах, или, лучше сказать, от природы ленивая, она сумела передать этот порок своей повелительнице». В этом отрывке речь идет о большом влиянии Юлианы на Анну Леопольдовну, которая якобы воспитывала ее в собственном духе. Трудно сказать, кто на кого влиял больше, несомненно одно – обе девушки нашли друг в друге родственную душу. Обе ленивые, неряшливые, неухоженные и вместе с тем чувственные и романтические, они стали очень близкими подругами. Если не сказать больше.

Юля Менгден родилась в 1719 году, то есть была на год моложе Анюты. Тут мало сказать, что они были близкими подругами – это было нечто большее, чем дружба. Анна и Юля могли сутками не выходить из своей комнаты и находились там «неубранными», то есть непричесанными и полуодетыми, с косынками на растрепанных волосах, в одних нижних рубашках. Чем они там занимались, было неизвестно, но по дворцу сразу же пошли слухи об их нетрадиционных отношениях. Интересно знать, где они этому научились? Ведь лесбиянство – это игры аристократок, развращенных, утонченных и изнеженных, которым было уже мало мужчин и требовалось что-нибудь погорячее. Провинциалке Юле Менгден негде было этому научиться, а Анечку держали в ежовых рукавицах. Вывод здесь может быть только один – из французских любовных романов, конечно, которые запоем читали подруги. Только из них. То есть они были в этом деле чувственными самоучками, что еще более добавляло остроты в их ощущения – искать новые способы удовлетворения друг друга, придумывать новые позы и новые ласки. Это ведь было так увлекательно и заманчиво! Так что сцена, описанная нами выше, вполне могла иметь место и наверняка имела! Было доподлинно известно, что они спали в одной постели. По словам английского посланника в Петербурге Э. Финча, Анна испытывала к «пригожей смуглянке» Юлиане страсть, похожую «на самую пламенную любовь мужчины к женщине». Ну, а как же мужчины – Линар, например, или Антон, за которого она в итоге вышла замуж и родила ему пятерых детей, – спросите вы? Ответ может быть только один – Анна была полигамисткой, то есть могла предаваться любви как с мужчинами, так и с женщинами. Юлиана, похоже, была скрытой лесбиянкой, но вместе с тем и не чуралась мужчин. Но об этом позже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.